

Алекс Кош

ОГНЕННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Ремесло

Алекс Кош
Огненный Факультет
Серия «Ремесло», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126546

Огненный факультет: Армада; Москва; 2008

ISBN 978-5-9922-0152-9

Аннотация

Академия Ремесла принимает новых учеников, и этот курс будет не таким, как все предыдущие. Хотя бы потому, что в Академию поступила вампириша, а еще каким-то чудом в нее поступил главный герой, у которого практически полностью отсутствуют магические способности. Впереди лекции по тактике и энергетике, многочасовые медитации, магические поединки, межкафультетские соревнования... Множество проблем ляжет на плечи новичков, но они не сдадутся и не опозорят Огненный Факультет.

Содержание

Прелюдия	4
АКТ ПЕРВЫЙ, судьбоносный	8
Действие 0	8
Действие 1	20
Действие 2	41
Действие 3	61
Действие 4	78
Действие 5	97
Действие 6	119
Действие 7	139
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Алекс Кош

Огненный факультет

Прелюдия

Наступило обычное утро обычного дня в совершенно обычном городе. Солнце взошло над сводами золотистых крыш и бесконечными кварталами столицы Империи Элиров – Литы. Вы спросите, что это за город такой – Лита? Вы можете утверждать, что такого города нет на картах мира. И будете правы, но лишь наполовину. Его действительно нет ни на одной карте **Вашего** мира, и он никогда не существовал и не будет существовать в **Вашем** времени. Но, быть может, Лита существует где-то в ином времени и мире? Кто знает. Добраться до этого города очень трудно... практически невозможно (сам вот уже целый год пытаюсь). Хочется надеяться, что ученые **Вашего** мира до него никогда и не доберутся. Уж очень он специфичный, этот город. При условии, конечно, что он и вправду существует. А если мы все же примем как факт существование этого красивейшего города, то и восхождение над ним солнца (или солнц, тут все зависит от времени года) определенно тоже будет являться фактом. А раз так, то...

Солнце взошло над золотым городом. В этом нет ничего необычного, оно встает над ним уже не одно тысячелетие. С рассветом в городе пробуждается жизнь. Солнце безжалостно изгоняет из города безликие тени, живущие своей, одним им известной жизнью, заставляет этих ночных охотников затаиться в щелях и подвалах, а ночью они вновь выйдут на охоту. И именно в это время, когда солнце едва появляется из-за горизонта, начинается жизнь дневная. Раскрываются «ромашки» для улавливания солнечных лучей, их задача – не упустить ни одного ценного «мага». Город становится похож на большой сад с единственным видом цветов – золотистыми ромашками всех размеров.

«Ромашки» появляются на улицах, площадях и на крышах домов зажиточных людей, тех, которые могут себе это позволить. Обычные люди, которым недоступны «ромашки», используют крыши своих домов, покрывая их специальным составом, более доступным, но менее продуктивным в улавливании энергии.

Огромная «ромашка» высится над дворцом, стоящим в центре города. Это прекрасное здание, построенное довольно давно даже по меркам знаменитых долгожителей-вампиров и друидов, – ослепляет своей красотой и величием любого человека, будь то заезжий гость или житель города, ви-

дящий дворец каждый день. Золотые округлые башни поражают изяществом узоров. И лишь одно сооружение во всем городе может поспорить с ним своим великолепием... **Академия.**

Академия представляет собой самую большую (точнее, единственную) в городе башню, возвышающуюся над городом и обнесенную высокими стенами. Но главная отличительная особенность башни вовсе не высота, а материал, из которого она построена, – удивительный камень, добываемый в Дальних Горах. На фоне золотых домов причудливых форм каменный исполин выглядит, мягко говоря, вызывающе. Каждый житель города хоть раз в жизни побывал на площади перед этим зданием в пору своего юношества или зрелости, но лишь избранные смогли войти в него для обучения.

И вот теперь, в год двести пятидесятый с восхождения на престол великого короля Сирия, как это случалось каждые тридцать три года, наступил долгожданный день принятия в Академию. Именно в этот день все жители города от мала до велика, собирались перед воротами Академии для прохождения испытаний, с помощью которых выявлялись те, кого впоследствии будут именовать **адептами**, или, проще говоря, учениками. Прохождение испытаний вовсе не являлось обязательным, и любой, кто не захотел бы их проходить, мог спокойно остаться дома. Но каждый горожанин мечтал попасть в эту башню. Даже те, кто не прошел в Академию тридцать три года назад или еще раньше, вновь собирались здесь,

чтобы еще раз испытать судьбу. И хотя не было еще случая, чтобы кто-то поступил со второго или третьего раза, все они лелеяли надежду, несмотря ни на что, попасть в число избранных. Должен заметить, что число избранных было всегда не очень велико – около двухсот человек. И это в то время, когда население города составляет не один десяток тысяч человек (и не только человек)! Злые языки поговаривали, что идет вырождение, ведь раньше в башне обучалось много больше людей, кто-то полагал, что просто сильно ужесточились требования и с каждым годом в Академию попасть все труднее и труднее. Но об этом говорили тихо, (такова уж особенность злых языков – говорить тихо), и, несмотря на слухи, люди все равно приходили попытать счастья.

В испытаниях мог принять участие любой, невзирая на возраст, пол, рост, вес и происхождение. Все были равны. И родители со своими детьми, и жены с мужьями – все приходили в надежде стать избранными и научиться... **Ремеслу.**

АКТ ПЕРВЫЙ, судьбоносный

Скоро будет новый набор. Я возлагаю на него большие надежды.

Фраза, сказанная вскользь одним весьма достойным Ремесленником.

Вы где набрали этих недоумков?!
Восклицание неизвестного учителя.

Ученье свет... но это отнюдь не означает, что вампирам чужда тяга к знаниям. обычно эти слова приписывают одному из самых кровожадных вампиров современности, уничтожившему несколько городов просто ради интереса.

Действие 0

«Ромашки» уже успели уловить свои первые порции ценных «магов», люди засуетились, спеша на церемонию принятия в Академию. Но были и такие места в Империи Элиров, где солнце не светило никогда. И жители этих мест редко когда торопились куда-либо, потому что в их распоряжении была вечность... конечно, при условии, что они не лезут лишний раз на рожон.

Увы, почему-то именно чувство самосохранения у вампиров притуплялось еще в раннем детстве. Видимо, таков был механизм природной регуляции их численности. Необычайно живучие, умные, сильные, вампиры давно бы заполнили весь мир, если бы не их любопытство, кровожадность и практически полное отсутствие здравого смысла.

Именно такими были настоящие вампиры.

Кельнмиир всегда считал себя самым типичным вампиром. Вот только кровожадность у него с веками слегка притупилась, потерянный на какой-то ступеньке эволюции здравый смысл неожиданно нашелся, а вот любопытство... превратилось в настоящую манию. Не так уж и много осталось в этом мире вещей, которые могли удивить старого вампира. И исключительно поиску этих удивительных вещей с некоторого времени и был посвящен весь его досуг. Кроме того, в последнее время в его планах на каждый день появилась новая, очень важная графа – «выжить!». За одним из самых старейших вампиров гонялось огромное количество людей, немалое число собратьев вампиров и даже несколько завязых пацифистов друидов.

Трудно сказать, что привело Кельнмиира в эти подземные катакомбы – любопытство или погоня. Скорее всего, имело место влияние обоих факторов. Как бы то ни было, вампир вот уже битых четыре часа полз по узкому лазу... очень напоминающему обычную канализацию. Особенно сильно мысли о канализации навевал запах и огромное количество

больших и наглых крыс. Впрочем, наглость серых хозяев канализации мигом улетучилась, едва голодный Кельнмиир позавтракал парочкой из них.

«Да уж, – Кельнмиир мысленно усмехнулся, – докатился ты, Царь вампиров недоделанный. Питаешься крысами, ползаешь в грязи и отбросах. И не стыдно тебе?»

Он немного подумал и решил, что все же не стыдно. В конце пути его, возможно, ждало нечто весьма интересное, а именно: по некоторым сведениям, где-то в этом районе, под землей, должно располагаться поселение вампиров из клана Ноос. Дневного клана.

Тайна этого клана занимала Кельнмиира вот уже несколько месяцев. Такого азарта он не испытывал давно, пожалуй, с последней охоты на драконов в Дальних Горах... когда же это было? Кажется, десять или одиннадцать веков назад.

И вот теперь он полз по канализации. Не то чтобы не было другой дороги в убежище дневного клана, просто люди Императора чуть не схватили его, когда он в очередной раз наведился в Школу Искусств к своему старому другу. В последнее время старик Неил совсем сдал, и вампир старался заходить к нему как можно чаще. Этим-то и воспользовались люди Императора. Они подстерегли его на подходе к Школе, и Кельнмииру пришлось спешно отступать (точнее, убегать) через канализацию. Очень кстати в его голове всплыла давным-давно изученная карта тоннелей под городом. Ведь как знал, специально изучил каждую трубу и каждый колодец в

городе!

Сейчас должен быть поворот налево... правильно. А теперь несколько метров прямо, и... стоп!

Кельнмиир в нерешительности остановился.

Здесь же должен быть только поворот направо. Никакого ответвления в этом туннеле быть не должно! Кажется, направление поисков было выбрано правильно, если, конечно, какой-нибудь зажиточный Великий Дом не соорудил себе за эти несколько лет (или какой там давности была эта драконова карта) дополнительные колодцы.

Кельнмиир пополз дальше, внимательно осматриваясь по сторонам.

Трубы, трубы... пусть они и немного почище, чем те, что были километр назад... Ага! Почище, говорите? Странно, с чего бы канализационным трубам быть чище?

Где-то впереди послышались неожиданно громкие голоса. Вот оно!

– Ты не посмеешь! – произнес мужской голос.

– Я не посмею?!

А это уже женский, причем довольно молодой.

– Я тебе не позволю!

– Ты не позволишь?!

Кельнмиир усмехнулся.

Да уж, содержательный диалог, ничего не скажешь. Но дело не в этом, а в том, что он наконец-то нашел дневных вампиров! Теперь он чувствовал их ни с чем не сравнимую ау-

ру...

– Ты же сам говорил, что мы почти ничем не отличаемся от людей. – В женском голосе послышались просительные нотки. – Так почему я не могу поступить в Академию?!

Вот это уже интересно. Вампирша хочет поступить в Академию? Кельнмиир представил лица Ремесленников в тот момент, когда на площади появится такое чудо, и едва сдержал смех.

– Хотя бы потому, что наши противники не позволят тебе даже подойти к Академии Ремесла! Зря ты заявила о своем намерении в открытую. Если бы ты все сделала тихо, то у тебя еще был бы маленький шанс. А теперь... они же тебя просто убьют, едва ты выйдешь на улицу!

– Мы еще посмотрим, кто кого убьет, – прошипела девушка.

Кельнмиир мысленно похлопал ей. Молодец, девочка.

– Дракон тебя подери, я запрещаю тебе!

– Ты мне не отец! – дерзко ответила вампирша. – А я уже не маленькая!

Послышался звук пощечины, быстрые шаги... хлопнула дверь... задвинулся засов.

– Эй! Да девчонку заперли! – поразился Кельнмиир и осторожно пополз дальше по трубе. С каждым метром он все отчетливей слышал тихие всхлипы вампирши и все яснее ощущал ее ауру. Наконец он уткнулся носом в железную решетку.

«А ведь этим можно воспользоваться», – подумал Кельнмиир, но тут же постарался выкинуть эту мысль из головы. С некоторых пор самые привычные мысли о предательстве и подлостях перестали доставлять ему обычное удовольствие, скорее наоборот – угнетали его. Сам он объяснял это тем, что даже вампиры, которые по идее остаются детьми навсегда, когда-нибудь взрослеют... но никто ему не верил, даже медленно увядающий старик Неил...

Тем не менее Кельнмиир не удержался и обставил свое появление, как подобает настоящему вампиру. Убедившись, что юная вампирша отвлеклась, он мягко вырвал решетку, вполз (труба выходила в комнату на уровне пола, кстати, я не забыл сказать, что диаметром она была всего лишь в двадцать сантиметров? А вы что хотели? Вампиры очень гибкие существа!) в комнату и так же тихо поставил ее обратно.

– Кхм, – культурно привлек он к себе внимание. – Простите, девушка, вы не подскажете, как пройти в библиотеку?

– Прямо по коридору и первый поворот налево, – по инерции ответила вампирша и в следующую секунду взвилась в воздух, принимая боевую трансформацию. – Ты кто? Как сюда попал?!

– Как некультурно, – вздохнул Кельнмиир. – Обращаться к старшим на «ты». А ведь мы друг другу еще даже не представлены.

– Назовись! – выкрикнула вампирша.

– Будь по-вашему, – согласился Кельнмиир. – Позволь-

те представиться, один из старейших представителей клана Миир, последний Царь вампиров... Кельнмиир.

Он не удержался от очередного позерства и поклонился.

В тот же миг вампирша попыталась на него напасть. Попытка эта была, безусловно, глупой, но забавной.

Кельнмиир рассмеялся и, ухватив вампиршу за загривок, поднял ее в воздух и потряс:

– Ау! Кажется, у вас проблемы со слухом? Я же представился, где ваши манеры, будьте добры, представьтесь и вы.

– Алиса, – буркнула девушка, продолжая висеть в цепких руках Кельнмиира и поняв всю бесполезность своего сопротивления.

– Хорошее имя, – одобрительно сказал Кельнмиир и очень понадеялся, что его голос при этих словах предательски не дрогнул. Имя молодой вампирши всколыхнуло в его душе тяжелые воспоминания... которые он старался загнать как можно глубже...

– Вот мы и познакомились, – продолжил он, отогнав нежелательные мысли. – Неужели это было так трудно?

Вампирша промолчала.

Кельнмиир мягко поставил ее на пол, предупредив:

– Не шали, детка, ладно? Уж очень не хочется портить твою милую мордочку.

Вообще-то мордочка была отнюдь не милой. Боевая трансформация вампира – это вам не конкурс красоты. Впрочем, вампирша тут же избавилась от трансформации...

– Невероятно... – тихо прошептал Кельнмиир. – Как же ты похожа на нее...

Вампирша гордо вздернула носик, показав, что восхищения противоположного пола ее красотой давно уже стали самым обыденным делом.

– Так что же вы здесь забыли, последний Царь вампиров? Похоже, оказавшись на полу, вампирша почувствовала себя уверенней.

– Простите, «здесь» – это где? – задал ответный вопрос Кельнмиир. – Видите ли, я тут неподалеку прогуливался по канализации... и совершенно случайно стал свидетелем вашего разговора с...

Кельнмиир вопросительно посмотрел на Алису.

– Это был мой приемный отец.

– Вот-вот, с приемным отцом, – продолжил Кельнмиир. – Я так понимаю, вы бы хотели поступить в Академию? А вам почему-то запрещают...

– Он просто волнуется за меня, – тихо сказала вампирша. – А не позволяют мне поступить в Академию совсем другие личности.

Кельнмиир даже затаил дыхание, до чего ему стало интересно.

– Какие, если не секрет?

– Думаю, раз уж вы все равно сюда забрались, то не секрет. Наш клан, – Алиса глянула на Кельнмиира, и тот кивнул, дескать, понял, о каком клане говорят, – разделился на две

партии. Первая, наиболее многочисленная, считает, что нам необходимо заручиться поддержкой одного из вампирских кланов, а то и примкнуть к одному из них, а вторая партия предпочитает сотрудничество с людьми. Признаюсь, в этой партии, помимо меня, всего несколько вампиров. Не знаю, почему я вам все это рассказываю...

Зато это отлично знал Кельнмиир. Безусловно, вампиры не могли подвергаться гипнотическим воздействиям, но за многие века можно было научиться некоторым методам воздействий, которые были намного сильнее гипноза, например умению располагать к себе. Этим-то сейчас Кельнмиир и воспользовался. Никакого подавления воли, как в гипнозе, – просто легкое расположение к себе. К тому же ему помогала врожденная способность вампиров мужского пола влиять на девушек.

– Потому что я хочу тебе помочь, – сказал Кельнмиир и неожиданно понял, что говорит совершенно искренне.

– И как же вы можете мне помочь? – вздохнула Алиса.

– Прежде всего я могу помочь тебе выбраться отсюда, – ответил Кельнмиир, внимательно посмотрев на железную дверь.

– А потом? – не отставала вампириша.

Кельнмиир подошел к двери и мягко толкнул ее. Железная дверь слегка просела в дверной коробке, не издав при этом ни звука.

– А потом я дам тебе несколько советов, следуя которым

ты сможешь пройти все испытания в Академии.

– Вы шутите?! – вскричала Алиса.

– Отнюдь, – ответил Кельнмиир и еще раз толкнул дверь.

И он действительно не шутил. Обо всех испытаниях для поступающих в Академию он узнал еще лет триста назад. Любознательного вампира не мог не заинтересовать такой интересный вопрос, и ответ на него был найден... а каким способом... Какая теперь разница?

С третьего толчка дверь плавно вышла из проема, и Кельнмиир аккуратно прислонил ее к стене. Все это было проделано очень тихо.

– Так что ты там про библиотеку говорила? – спросил Кельнмиир Алису.

– Прямо по коридору, а потом налево, – послушно повторила вампирша. – А зачем она вам?

– Я не могу уйти отсюда, не заглянув в библиотеку, – честно ответил Кельнмиир. – Мало ли чего интересного можно найти...

– Да нет там ничего интересного, – отмахнулась Алиса. – Я давно уже все книги перечитала – одни скучные летописи да сказочки. И никаких страшных, – вампирша сделала большие глаза, – тайн там нет.

Кельнмиир неопределенно хмыкнул. Откуда девчонке знать, что подчас самые страшные тайны прячутся именно в скучных летописях.

Как оказалось, гордым словом «библиотека» именовалась

небольшая комнатка с одним столом и несколькими полками для книг, заставленными лишь наполовину.

– Видимо, кто-то взял почитать пару книг, – виновато сказала Алиса.

– Ничего, обойдемся тем, что есть, – чуть ли не пропел Кельнмиир.

Книги были его слабостью. Он обожал читать и пускался в самые опасные приключения ради всего лишь одной книги. А здесь... из всех книг, стоящих на полках, он не читал всего лишь две. Это он определил сразу и наверняка.

– Так, что у нас здесь? – забормотал Кельнмиир, пока Алиса опасливо выглядывала из комнаты, не идет ли кто. – Вот то, что меня интересует, – история клана...

Кельнмиир начал читать с бешеной скоростью, переворачивая страницы практически одну за другой. Неожиданно он прекратил листать страницы и удивленно уставился в книгу:

– Ни...

Алиса, следившая за коридором, повернулась к Кельнмииру.

– Кто-то идет сюда, – тихо сказала она.

– Ни... – повторил вампир и не двинулся с места.

Вампирша подбежала к Кельнмииру и дернула его за рукав:

– Нам надо уходить.

Кельнмиир даже не шелохнулся.

– Эй! – Алиса помахала рукой перед его глазами. Никакой

реакции.

– Да пойдём же, – повторила вампирша и попыталась вырвать из рук Кельнмиира книгу.

Не получилось – он вцепился в нее мертвой хваткой.

– Ни... х... – прошептал Кельнмиир, а потом добавил уже более твердым голосом: – Ничего себе заявочки!

В коридоре слышались тихие шаги.

– Надо уходить, – опомнился Кельнмиир, выдергивая из книги заинтересовавшую его страницу и ставя талмуд на место.

– Опомнился, – вздохнула Алиса. – Что же ты там такое прочитал?

– Этого тебе пока что лучше не знать, – ответил Кельнмиир, даже не обратив внимания на то, что вампирша без разрешения перешла на «ты». – Ты узнаешь об этом позже...

Они тихо вышли из библиотеки, и Алиса повела Кельнмиира по коридорам к выходу на поверхность.

– Мне нужно попасть на принятие, – напомнила вампирша.

– Ты попадешь на принятие, – спокойно ответил Кельнмиир. – И ты поступишь в Академию.

– Надеюсь, – вздохнула Алиса.

«Ты обязательно поступишь в Академию, – повторил про себя Кельнмиир. – А я тебе в этом помогу в обмен на небольшую услугу...»

Действие 1

Эта ночь была очень странной. Мне снилось одно и то же сновидение, раз за разом, до самого утра.

Станный узкоглазый человек в белой одежде, напоминающей ливрею Ремесленников, очень долго, будто целую вечность, смотрит мне в глаза. Он видит меня насквозь... видит мое прошлое, мое будущее...

Неожиданно я понимаю, что сейчас он смотрит именно в мое будущее, читает его, как обычную книгу...

– Знаешь, – наконец произносит он, – я бы на твоём месте сделал харакири...

* * *

– Зак!

– Да, тетя, уже иду!

Я в который раз посмотрел в зеркало. Ну, теперь уж точно готов.

Свои длинные темные волосы (так нравящиеся девушкам) я собрал сзади в хвост, костюм надел подобающий – золотой, музыкалу запихнул в один из множества карманов и прихватил пару муз своего сочинения. Так уж получилось, что я люблю слушать именно собственные произведения. Хотя порой мне кажется, что называть эти произведения своими –

лицемерие. Можно ли считать музыку, приходящую к тебе во снах, своей? Не знаю... Если совершенно случайно встречу Ремесленника на сегодняшнем принятии и он соблаговолит меня выслушать, то я обязательно задам ему этот вопрос. Тогда хоть какая-то польза от сегодняшней прогулки будет. Хотя о какой прогулке идет речь, если мне придется весь день толкаться в очереди?

Как я слышал из рассказов, в очереди на прохождение испытаний придется простоять как минимум полдня, так что музыки сегодня я еще успею наслушаться вдоволь. И кому это нужно, спрашивается? Подумаешь, великая честь – вновь идти учиться. Вот всю свою сознательную жизнь мечтал...

Не привык я к строгим костюмам с этими их ненавистными обтягивающими брюками и нелепо блестящим смокингом. К тому же золотой цвет быстро пачкается, а уж все, что только возможно испачкать, я испачкаю моментально. Карма у меня такая. И еще мне почему-то все время кажется, что стоит мне надеть золотое и встать рядом с одним из золотых домов – как я сольюсь со стеной и стану невидимым... кстати, а ведь это мысль!

– Спускайся немедленно, мы тебя уже ждали!

Ох уж мне эта тетя с ее причудами. Я же собрался час назад. И чем ей не понравился мой обычный наряд? Подумаешь, не такой франтовый и модный, как праздничный, зато очень удобный и не такой кричащий. А теперь каждый вто-

рой будет коситься на меня со смесью зависти и ненависти: «Ишь, вырядился щенок! Попробовал бы сам деньги заработать, а не родительские тратить». Но что я-то могу поделаться? Родственников, и уж тем более родителей, не выбирают.

Я окинул прощальным взглядом свою комнату, взял под мышку зеркало и вышел в коридор.

В коридоре, как обычно, темень – экономят «маги». Очередная причуда. У нас этих «магов» в хранилище под домом – хоть собственный филиал Академии открывай. Я удивляюсь, как тётё не стыдно по улицам ходить и людям в глаза смотреть.

Внизу меня уже поджидала вышеупомянутая тетя с двумя племянницами. Тетя – дородная женщина среднего возраста (100–150 лет) с добродушным лицом и обманчиво смешливыми глазами. В этих глазах часто плескался смех, но только до тех пор, пока тетя была довольна действиями окружающих. Стоило кому-либо огорчить или разозлить тетю Элизу, и у этих веселых глаз появлялся ледяной оттенок, которого боялись очень многие, в том числе и я сам.

О племянницах говорить особо нечего – обычные девчонки пятнадцати лет. Две блондинки-близняшки, которые никоим образом не могут развеять мою скуку интересной беседой.

– Сколько можно прихорашиваться? – с сарказмом спросила одна из племянниц – Фло... кажется.

Никогда я не смогу различить этих двух близняшек. Вот

все могут, а я не могу, и все тут. И они еще, как назло, все время ходят в совершенно одинаковой одежде.

Я проигнорировал слова близняшки и прошествовал мимо них на улицу, положив по пути зеркало на столик возле двери.

Они последовали за мной, не переставая шептаться и тихонько смеяться. Последней вышла тетя и закрыла за собой дверь на энергоключ, задействовав, таким образом, сложную систему охранных заклинаний.

– Так, дети, – обратилась она к нам, пока мы двигались с толпой в сторону центра города, – теперь я немного расскажу вам о том, что вам предстоит. Прежде всего будет обычная проверка на силу и тяготение к основным элементам, но об этом вы наверняка и так наслышаны, так что не будем тратить время. Если же вы пройдете эту проверку, что очень маловероятно, – тетя с обидной усмешкой посмотрела в мою сторону, но я сделал вид, что ничего не заметил, – то наступит черед настоящих испытаний. Хотя для каждого человека испытания индивидуальны, я могу дать вам пару советов. Во-первых, говорите только правду. Они все равно о вас рано или поздно узнают. Во-вторых, не стесняйтесь задавать вопросы и не торопитесь с решениями. Задачи не так просты, как кажутся. И в-третьих, не вздумайте пререкаться с Ремесленниками. Они этого не терпят. Последний, кто с ними пререкался, до сих пор не может даже лампу зажечь.

Кейт и Фло испуганно замолкли.

Да, зажечь лампу проще некуда, всего-то используя простое энергетическое действие, собственно, саму лампу и пару «магов» из хранилища. Я, конечно, слышал, что Ремесленники могут отбирать способности к использованию «магов», но чтобы лишали всех способностей, даже самых простых, необходимых в повседневной жизни, — такое я слышал впервые. Без этих способностей я бы даже музыкалу слушать не смог. Ужас какой!

Мы шли в потоке людей, спешащих в центр города для прохождения испытаний, а нам навстречу двигались огорченные толпы не прошедших даже первый, предварительный этап. Они зло смотрели на тех, кому еще предстояло пройти испытания, и, как обычно, двигались в сторону пивнушек. Это стало уже давно устоявшейся традицией. В день принятия все, кому не повезло (то есть почти весь город), расслаблялись в пивнушках, чтобы завтра забыть про свою неудачу и порадоваться за тех, кому повезло. А сегодня они были злы на весь свет, о чем с радостью сообщали всем, кто проходил мимо.

Странная атмосфера царила на улицах в этот день. Праздник сам собой затухал ближе к вечеру, и наступала чуть ли не пора траура. Каждый жалел себя и напивался вдрызг (не считая, конечно, детей и женщин). Кстати, испытания имели право проходить только те, кому было больше пятнадцати лет, поэтому все заботы и волнения этого дня детей совершенно не касались, а женщины к Академии всегда отно-

сились не сказать чтобы очень хорошо. Нет, выйти замуж за Ремесленника считалось почетным, даже моя кандидатура – даром что я представитель Высшего Дома – меркла на фоне настоящего Мага.¹ Но вот заниматься ремеслом самим девушкам почему-то не улыбается, хотя среди поступивших все равно оказывается около пятидесяти женщин... уж не знаю, что ими при этом движет. Все это известно мне лишь понаслышке и из книг, потому что сам я еще слишком молод и ни одного принятия не видел. И, кстати, не очень представляю, чего могу лишиться, если не пройду испытания. А я ведь их и не пройду по ряду не зависящих от меня причин... – Зак!

Ко мне через толпу пробирался мой старый друг Чез. Он, как всегда, улыбался до ушей и вел под ручку очередную свою (а может, и не свою) подружку. Девушки так и вились вокруг моего рыжего друга-здоровяка, но я был единственным из всей нашей компании, кто ему совершенно не завидовал. По мне, так от девушек одни проблемы.

– Чез! Ты уже прошел? – нетерпеливо спросил я, когда он подошел к нам своей фирменной вихляющей походкой.

– Нет еще, мы же договорились вместе идти, – ответил он, слегка обидевшись. – Ну что, пошли?

¹ Понятия «Ремесленник» и «Маг» для жителей Литы практически идентичны, так же как и понятия «Ремесло» и «магия», хотя разница в этих понятиях скрыта существенная. Об этом более подробно рассказывается в «Легенде о даре дракона», которую можно взять почитать в любой городской библиотеке. *Здесь и далее примеч. автора.*

Я вопросительно посмотрел на тетю.

– Ну иди...

Я обрадовано повернулся было к Чезу...

– ...только возьми с собой девочек, у меня еще кое-какие дела остались, а потом возле ворот я их заберу.

Вот только этого мне и не хватало.

– Но, тетя...

– И нечего строить из себя мученика, потерпишь, ничего с тобой не случится. – В голосе тети зазвенел металл.

Ага, единственное, что мне грозит, – это сердечный приступ или резкое ухудшение слуха в связи с постоянной стрекотней двух девчонок. Я что, похож на няньку?

Я поманил пальцем девочек, всем своим видом показывая, кто здесь самый несчастный человек на свете, и отправился вслед за Чезом.

Подруга Чеза, темноволосая красавица (кто бы сомневался), занялась девочками, и уже через минуту они вместе, смеясь, отделились от нас.

– А где Лиз? – шепотом спросил Чез, едва его новая пассия с девочками под ручку пошла впереди нас.

– Нет никакой Лиз, – устало ответил я.

Каждый так и норовит у меня спросить: «А где Лиз?» Лиз – замечательная девушка, мы с ней хорошо проводили время, но у нее оказались слишком большие планы на будущее. Уж очень она хотела стать женой настоящего Ремесленника (теперь вы понимаете, о чем я недавно говорил?), при-

чем не менее чем третьего ранга. О чем она мне недавно и заявила. А поскольку мне им никогда не стать (тут я с ней полностью согласен), то я должен понимать, что наша связь носит исключительно временный характер. Я понял это, и в тот же день все было кончено. Тут же я сразу заметил и прочие ее «хорошие» качества: заносчивость, высокомерие, лицемерие и другие милые причуды, на которые я раньше почему-то совершенно не обращал внимания.

– Вот и правильно, я же тебе говорил, что она слишком хороша для тебя, – бодро сказал Чез.

Утешил, называется.

– Спасибо, ты настоящий друг, – сказал я.

– Не за что, – как ни в чем не бывало ответил он.

Мы подошли к Площади Семи Фонтанов и остановились, чтобы оглядеться.

– Наши сказали, что будут ждать нас у шестого фонтана, – с сомнением протянул Чез, оглядывая площадь. – Я пойду их поищу, а ты пока постой тут.

С этими словами он прихватил под руку свою подругу, кстати, я забыл спросить ее имя, и шмыгнул в толпу.

Я остался стоять у стены какого-то магазина с двумя подозрительно притихшими девочками. Они что-то сосредоточенно читали, и, заглянув им через плечо, я увидел очередную модную нынче газету. Помимо очередного упоминания о покушении на нашего любимого (ну конечно) Императора на первой странице ничего интересного не наблюдалось. И

как им еще не надоело обсуждать одно и то же? С того момента, как в Императорский Дворец пробрались два наемных убийцы-вампира, прошло уже несколько месяцев, а газеты не перестают обсасывать подробности. Скука. Неужели девочкам это действительно интересно?

Хотя, это ведь хорошо! Пока они заняты, я могу спокойно послушать «музыкалу». Я послал легкий энергетический импульс на панель воспроизведения и перенесся в чудесный мир музыки. Я даже не заметил, как отключился от внешнего мира, что со мной бывает не часто. Обычно я это все же замечаю.

Прервало мою идиллию странное чувство, как будто кто-то внимательно меня рассматривает. Я открыл глаза и огляделся по сторонам. Народ все так же двигался мимо нас в обоих направлениях, но никто из них не обращал на меня никакого внимания, как будто не замечая на фоне золотой стены (я же говорил!). Девчонки все так же пялились в свою газету, и мне ничего не оставалось, кроме как вернуться к прослушиванию музыки. Вот только вновь расслабиться я уже не смог. Тут еще кто-то хорошенько прошелся мне по ногам, вконец испортив все мое настроение. День начинался не очень-то и удачно.

Прошло каких-нибудь пять минут, и над площадью пронесся ропот и шевеление. По всей видимости, по площади в поисках людей с особенно высокими способностями проходил Парад Ремесленников. Это была обычная формаль-

ность, потому что в первый и последний раз человек со столь высоким уровнем силы, чтобы его мог без всяких испытаний определить Ремесленник, появлялся около четырехсот лет назад, причем в последствии он стал искуснейшим Ремесленником того времени... кажется, именно он придумал эти гадкие ученические перстни, от которых так трудно избавиться.

И после того случая повелось, что каждый «прием» процессия из Высших Ремесленников и лучших учеников Академии проходит по городу в надежде отыскать кого-либо с достаточным уровнем силы.

Я выключил «музыкалу» и с интересом уставился туда, где народ расступался, пропуская людей в красных и синих ливреях.

Красные ливреи принадлежали учителям Академии – Ремесленникам, а синие – ученикам старших курсов. Вот только со своего места я не видел никого, кто мог бы напоминать Высших Ремесленников. Тем более, насколько я помню, они носят серые и черные цвета, я бы их сразу заметил. Видимо, надоело им каждые тридцать три года таскаться по городу, и они занялись более важными делами. Я их понимаю, так как сам не люблю совершенно ненужные порой условности, приличествующие моему положению в обществе.

Они приблизились к строению, рядом с которым ошивался я со своими родственницами. Я невольно подался вперед, чтобы получше рассмотреть процессию (и чтобы перестать

сливаться со стеной). Как ни крути, а Парад Ремесленников я вижу первый раз в жизни.

Впереди шли люди в красных ливреях, за ними шли синие. Что меня поразило, так это выражение лиц людей в красных ливреях, вернее их полное отсутствие. Их лица не выражали никаких чувств, они целенаправленно смотрели по сторонам, и не было видно, нравится им это занятие или надоело дальше некуда. До этого я видел Ремесленников всего несколько раз, они редко выходят из Академии, поэтому Парад Ремесленников был мне интересен вдвойне. Вот учеников я видел довольно часто, они постоянно ходили по городу с разными поручениями от Академии. Веселые ребята и девушки, искренне радующиеся своим выходам из стен Академии, но отмалчивающиеся по любым вопросам, касающимся того, что происходит за стенами башни.

Я вообще не могу понять, почему все ученики Академии довольно добродушны в общении. Вот и сейчас, глядя на этих старших учеников, проходящих в паре метров от меня, мне невольно вспоминается наша Школа Искусства. Искусство изучают самые разные люди, принадлежащие к разным слоям населения (а иногда и к разным биологическим видам), вне Школы многих из них разделяет такая пропасть, что диву даешься... а в Школе все эти разные люди (и не люди) составляют единый организм – группу. Так же и эти будущие Ремесленники – кто-то смеется, кто-то задумчиво смотрит в даль, кто-то идет, обнимая за талию девушку. Со-

вершенно обычные люди, встретить я их без синей одежды, я бы принял их за совершенно обычных людей. Какая же огромная разница между этими учениками и Ремесленниками, идущими впереди! Неужели человек, к моменту достижения высокого звания Ремесленника, так сильно меняется? Возможно, он при этом теряет что-то очень важное?.. кто знает...

Я настолько задумался, что, сам того не замечая, встал на пути нескольких учеников, слегка отставших от шествия.

– Эй, чего задумался? – раздался веселый голос.

Я удивленно сфокусировал взгляд на говорившем.

Им оказался высокий парень в синей ливрее, идущий под руку с темноволосой девушкой. Они, весело улыбаясь, смотрели на меня, в то время как я придумывал что ответить.

– ...Да вот думаю, пойдет мне синий цвет или нет, – быстро сориентировался я.

Парочка удивленно уставилась на меня, а потом расхохоталась.

– Доживи сначала до синего цвета, – отсмеявшись, сказал парень, и двинулся, было, дальше, но тут остановился и добавил. – Пройди испытание, а там, глядишь, еще встретимся.

Сказав это, он нежно подтолкнул девушку, и они пошли догонять остальных учеников.

Когда они уже почти скрылись за углом, девушка повернулась и подмигнула мне. Я покраснел и поспешил вновь слиться со стеной, возле которой стояли девочки. Про газету

они, конечно же, давно забыли и теперь смеялись, глядя то на меня, то в ту сторону, в которой скрылось шествие.

– Влюбился, влюбился, – тут же заверещали они, едва я к ним подошел.

– Замолчите! – рявкнул я, стараясь скрыть румянец.

Они продолжали верещать, и я просто вновь включил «музыкалу», чтобы не слышать их издевательств.

Но не успел я раствориться в музыке, как из толпы вынырнул Чез уже без своей подружки и бодренько зашагал к нам.

– Ну что, пошли к воротам, я там уже видел твою тетю. Сдадим ей двух недорослей, – он показал пальцем на обиженно надувших губки девочек, – и пойдем по быстренькому поступим в Академию.

Мне бы его уверенность. Едва я представляю, что из десятков тысяч должны выбрать всего две сотни человек, как мне становится грустно. Ну, кто я такой, чтобы поступать в Академию? Я даже с обычными приборами-то не в ладах, чего уж говорить о высшем пилотаже? Единственное, с чем я хорошо управляюсь – это музыкальные инструменты. Но кому нужен обычный музыкант там, где требуются люди с определенными способностями – со способностями к настоящему **Ремеслу**.

Мы пошли к воротам. Как ни странно, мой костюм был еще чистым, и люди по привычке расступались передо мной, хотя мне иногда казалось, что толпа с удовольствием затопчет нас, едва увидит золотой цвет Высших Домов. Часто я

ловил злые взгляды людей, но никто не решался на меня наехать, пока рядом со мной возвышался Чез. Девочки не отставали от меня и вскоре мы уже подошли к воротам.

Ворота Академии – это просто невероятное сооружение. Они представляют собой огромную арку высотой в добрую полусотню метров, и примерно такой же ширины. Вся она украшена невероятно красивой резьбой, и буквально светится на солнце. Цвет ее, подобно практически всему в нашем городе, золотой, с серебряными вкраплениями и украшениями из драгоценных камней. Все украшения, сэкономленные на каменной башне, были потрачены на это сооружение. А башня-то больша-ая...

Наш город всегда славился своим богатством, и все знали, что если хочешь стать по-настоящему известным ювелиром или работником искусств, нужно ехать в Литу. Были у богатства и свои минусы – так соседи периодически пытались совершать на нас набеги, а поголовье жуликов и бандитов в свое время едва ли не превысило число коренных жителей Золотого Города. Императору пришлось обратиться за помощью к Ремесленникам, и те создали ночных созданий – безликих, ставших ночными стражами, а позднее и бичом нашего города, расплодившись сверх всякой меры (ума не приложу, как размножаются тени). Секрет создания кровожадных созданий, как и многие другие знания, был утерян, и теперь ни один здравомыслящий человек не выходит ночью из дома без защитных медальонов, которые стоят бас-

нословных денег из-за специфики изготовления. Охранные заклинания для домов так же стали очередной статьей доходов для Ремесленников...

Но вернемся к нашим... воротам.

Самым удивительным было то, что над этими воротами висела в воздухе прекрасная радуга. Я поневоле залюбовался ей, и едва не врезался в очередного упитанного горожанина, проходящего мимо меня с постной миной. Говорят, эта радуга – копия тех, что появляются в Радужном море после особенно сильных бурь. Не знаю, сам я никогда и никуда не плавал, и море выдел исключительно на картинках в книгах. Почему? Потому что ни разу за всю свою жизнь не покидал пределов Литы.

Ослепительная радуга появлялась над воротами Академии только в день принятия, и я видел ее впервые. Все цвета были невероятно сочными и искрились на солнце, будто сотни маленьких феерверков беззвучно взрывались над ней.

Я смотрел на радугу, пока у меня не зашипало глаза, и перед ними не поплыли красные круги.

– Ах да, ты же впервые на принятии, – произнес Чез, кладя руку мне на плечо. – Да, на это стоит посмотреть.

А я и забыл, что Чез пришел на принятие во второй раз. Несмотря на то, что по виду мы с ним примерно одного возраста, он на двадцать лет старше меня. Мне тут же стало жаль друга, ведь, по сути, у него всего один шанс из миллиона, быть принятым в Академию – даже меньше чем у меня. Да

и то, этот шанс чисто теоретический.

Когда-то давным-давно один Ремесленник предположил, что магические способности людей (способность управлять энергией, измеряемой в «магах») возрастают со временем. Так-то это так, но они не могут возрасти в несколько раз, а ведь именно во столько раз они должны возрасти, чтобы заинтересовать Академию. Как правило, способности либо настолько маленькие, что едва хватает для работы по дому (это про меня), либо достаточные для того, чтобы стать настоящим Ремесленником (это не про меня). У Чеза есть неплохие способности (что уже само по себе является исключением из правил), но хватит ли их, чтобы пройти испытания, да еще и во второй раз? Я-то уверен на все сто процентов, что не пройду. Даже у племянниц тети, семенящих позади, и то больше магических способностей. Но Чез всегда бредил Академией, и я искренне надеюсь, что он поступит.

– Да... – протянул я. – Ради такого стоило встать в шесть утра.

Чез удивленно уставился на меня.

– Ты шутишь? Ты встал в шесть утра?!

– Ну не я встал, а меня встали, – уточнил я. – Тетя Элиза меня растолкала и заставила принять душ, привести себя в порядок...

– Да, тетя у тебя героиня. Я бы даже под страхом смертной казни не рискнул будить тебя в такую рань, – сказал он через плечо, распахивая народ на пути к воротам.

– А я бы под страхом смертной казни не рискнул спорить с тетей, – пробормотал я так, чтобы меня не услышал Чез.

Как я понял, время стояния в очереди сильно преувеличили, потому что более половины пути мы уже прошли и особых преград пока не встретили.

Мы протолкались к самым воротам и действительно увидели там мою тетю. Она стояла возле самых ворот и разговаривала с одним из стражников.

– Тетя Элиза! – прокричал Чез, и преодолел последнюю пару метров до ворот. – Я привел вам ваших девочек. Теперь мы можем идти?

Я задохнулся от такого хамства.

Это он привел? А кто за ними следил последние полчаса? Едва я открыл рот, чтобы сказать все, что я о нем думаю, как кто-то сзади прыгнул мне на плечи.

– Зак, как дела? – произнес до жути знакомый мне женский голос.

– Привет... Лиз, – сказал я, стараясь скрыть раздражение.

– Как ты? Уже прошел испытание?

Чез молча провел пальцем по горлу, показывая, что пора закругляться и сматывать удочки.

– Как раз собираюсь... – начал я.

– Ну, удачи тебе, а мне пора идти. Я тебя потом познакомлю с Энжелом – это мой новый... друг, он сегодня прошел испытание, так что приходи вечером в клуб «Золотой полу-месяц», мы там будем праздновать.

Она повернулась и юркнула в толпу, оставив меня с открытым ртом, и незаконченной фразой.

– Вот так она тебя всегда и имела, – сочувственно сказал Чез.

– Так уж и всегда, – попытался возразить я.

– Всегда, всегда, ты просто раньше внимания не обращал.

Ну, спасибо. Сегодня прямо день комплиментов.

Две сестрицы опять противно захихикали.

– А он себе уже новую девушку нашел, – проговорила одна из них... то ли Фло... а, кто их знает.

Чез опять удивленно уставился на меня. Видимо, ему сегодня суждено весь день удивляться.

Тетя, до этого тактично молчавшая, покачала головой.

– Элиза очень достойная девушка из достойной семьи. А ты Зак еще слишком молод и глуп, чтобы понять это. – Тетя кивнула девочкам. – Ну, мы пойдем, не будем вам мешать. До вечера ребята и удачи вам.

Почему-то особого оптимизма я в голосе тети не услышал.

С этими словами, она и близняшки вошли в ворота. Я, было, дернулся за ними, но Чез придержал меня за плечо, и ворота закрылись прямо перед моим носом.

– Куда собрался? Сейчас наши все подойдут, тогда вместе и пойдем со следующей партией. И что это за новая девушка? – подмигнул он мне. – Мне-то ты можешь рассказать.

Я опять покраснел. Да что же это такое?

– Ты слушай их больше, – отмахнулся я, и тут же радостно

воскликнул. — А вот и наши идут!

Пожалуй, даже слишком радостно. Ну не люблю я разговоры о девушках, что уж тут поделать. Девушки — самые странные создания в мире, не считая драконов, если они (я имею в виду драконов), конечно, существуют.

К нам действительно приближались парни из нашей Школы. Все мускулистые и высокие. На их фоне я смотрелся как-то тускло. И хотя рост у меня не маленький, да и худобой особой я не страдаю, рядом с ними я кажусь совсем мелким. Что уж тут поделать, таким я уродился. Однако в Школе я всегда был с ними практически на равных, и почти не уступал в **Искусстве**.

Искусство... сколько сокрыто смысла в этом простом слове. Не меньше, чем в слове Ремесло. Искусство представляет собой технику и умение владеть своим телом, умение драться и выживать в любых условиях. А вне города нужно уметь выживать. Правда, вне города я никогда не был, и, надеюсь, никогда не буду, но все говорят, что там действительно опасно.

Я — самый молодой из обучающихся в центральной Школе Искусства, и не могу надеяться на что-то особо выдающееся в ближайшие десять лет, но, в общем и целом, ощущаю себя весьма неплохо подготовленным физически и духовно, хотя до того же Чеза мне еще ой как далеко.

— Ну что ребята, готовы пройти это детское испытание? — бодро сказал я, едва они подошли.

Все они молча кивнули мне, здороваясь, и так же молча развернулись и встали напротив закрытых ворот. Выглядели они как-то излишне напряженными.

– Что это с ними? – удивленно спросил я у Чеза.

– Ах да, ты же еще не знаешь... Видишь ли, у людей, занимающихся Искусством, очень мала предрасположенность к Ремеслу. То есть изначально оно примерно у всех одинаково, но со временем Искусство притупляет способность к Ремеслу или вернее не притупляет, а направляет в другое русло. Если Ремесленники направляют энергию в основном наружу, то Искусники наоборот, внутрь себя. Понял?

– Понять-то я понял, но при чем тут это их молчание и смурные лица? Если знаешь, что не сможешь попасть в Академию, то зачем заниматься Искусством?

Я нагло вру – ничего я не понял, но так не хочется углубляться в подробности. Внутрь, наружу... кому это надо? В Школе Искусства учат драться, в Академии учат всевозможным магическим фокусам. К чему усложнять?

Чез вздохнул.

– Ты, как всегда, не до конца все понял, если вообще понял. Они могут попасть в Академию, и это уже не однократно случалось, просто им требуется полная сосредоточенность и время, чтобы перестроиться на использование способностей не так, как их используют в Искусстве.

Сколько всего нового узнаешь, а почему мне этого интересно раньше не говорили?

Тот же вопрос я произнес вслух.

— А тебе это не нужно, как и мне. Мы с тобой слишком мало занимаемся, чтобы привыкнуть использовать способности каким-либо особенным образом. Мы вообще еще не умеем их толком использовать...

Ну конечно, уж кто бы говорил. Помню я, как он раскидывал этих здоровяков, прозанимавшихся в секции в два раза дольше нас. Да и в магических штучках он всегда был далеко не последним в группе... в отличие от меня.

— ...Так что не забивай голову. Пойдем поступать в Академию, а вечером отпразднуем сие знаменательное событие.

Действие 2

Когда предыдущая «партия» испытуемых вышла из открывшихся ворот, мы с Чезом быстренько прошмыгнули во двор Академии. Тут обычно и проходил первый, самый простой и самый важный, этап «испытаний».

Во дворе еще никого не было, мы были первыми, и я смог спокойно осмотреться по сторонам.

Вся поверхность двора была испещрена невероятными узорами, выложенными камнями, привезенными со всех концов Империи. Тут и невероятно огромные сапфиры, и брильянты, и простые камни на вроде гальки, все было представлено в этой огромной мозаике. И если посмотреть на эту мозаику с высоты птичьего полета, или из окон Академии, то сразу становилось видно, что разнообразные узоры складываются в один символ, известный во всем мире – символ Ремесла. Этот символ был изображен на всех предметах, созданных в стенах Академии. И хотя этот символ использовали многие Ремесленники-любители, считалось, что он принадлежит только Академии, ведь именно в ней ведутся самые новые разработки и создаются лучшие техномагические предметы – предметы, использующие энергию «магов».

Символ представлял собой золотого дракона, свернувшегося в букву «Р», и обведенного кругом, цвета серебра. Почему именно золотой дракон, я не знаю, но кажется это свя-

зано с какой-то легендой, которую я слышал лишь в раннем детстве (и не нужно злорадных ухмылок, мне уже двадцать!) и конечно уже благополучно забыл, предпочитая сказкам более правдоподобную литературу.

Пока мы стояли и оглядывались по сторонам, во дворе успело собраться немало народу. Вот только не было тут того шума и давки, которые царили на площади перед Академией. Здесь царила совершенно иная атмосфера, здесь царствовал торжественный дух «принятия». Все, кто попадал во двор, замирали (как мы всего минуту назад), осознавая, наконец, что они пришли в место, в котором решаются судьбы людей.

Мы немного потолкались у входа, приходя в себя, и пошли в центр двора. Там, вокруг Ремесленников в красных ливреях, Высших Ремесленников в серых ливреях, и старших учеников – в синих, на почтённом расстоянии, собиралась наша «партия» испытуемых. Причем именно собиралась. Не толпилась, как снаружи, а спокойно и культурно собиралась, соблюдая дистанцию и не создавая никакой толпы и давки.

Мы так же встали недалеко от «комиссии по принятию», а именно ей и были те Ремесленники, как нам подсказал кто-то из толпы, и стали ждать.

Когда во дворе набралось достаточное количество народу, ворота беззвучно закрылись, отрезав всякие звуки, доносившиеся с площади. Наступила тишина. Все мы замерли в ожидании.

Не прошло и пары минут, как над нами раздался спокойный мужской голос:

– Добрый день дамы и господа. Вы присутствуете на первом этапе принятия. Для тех, кто не знает, я объясню: это единственный этап испытания, на котором от вас лично ничего не зависит. На этом этапе определяются способности каждого из вас к работе с энергией. Тут уж как кому повезло, и как кого одарила мать природа...

Я завертел головой, пытаюсь понять, откуда исходит этот голос. Казалось, что он звучит везде, хотя, конечно же, этого быть не могло.

– И не надейся, – шепнул мне Чез, видя мое замешательство. – Не найдешь ты никаких приспособлений. Это истинное Ремесло, оно не требует подручных средств. Только Ремесленник и «маги».

Я удивленно прислушался и заметил, что голос вовсе не громок, просто он звучит рядом с каждым человеком, как будто говорящий стоит рядом. И еще... этот голос почему-то кажется безжизненным. Уж и не знаю, почему мне так кажется, но что-то с ним не в порядке... зато как здорово этот голос передается во все точки площади! Вот это эффект! Вот бы мне так музыку научиться слушать или еще лучше на концертах играть. Сказка. И никаких «музыкал» и прочих приспособлений. Это даже не сказка – это мечта.

Тем временем странный голос продолжал:

– Все просто. Сейчас каждый из вас внимательно посмот-

рит по сторонам. Если вы заметите что-нибудь необычное или странное, то немедленно двигайтесь в этом направлении. Для простоты восприятия объясню – это напоминает призму, висящую в воздухе. Но если вы ее увидите, это еще далеко не значит, что вы прошли испытание. Из сгустка «магии» вам необходимо усилием мысли выделить установившуюся структуру определенного цвета. Чтобы сделать это, вам нужно всего лишь напрячь свое воображение. Явственно представьте, как цвета начинают двигаться, и у вас все получится. Полностью собранная структура какого-либо цвета будет означать, что у вас достаточно способностей для прохождения дальнейших испытаний, а ее цвет означает тяготение к определенной сфере эфира. Если же вы ничего не увидели, или не смогли до конца собрать свою головоломку... то попытайтесь счастья в следующий раз.

Нечто подобное мне уже рассказывали сотни раз. Сейчас все начнут смотреть по сторонам, в поисках чего-то необычного. А по прошествии десятка минут, тем, кто ничего не увидел, наскучит это занятие, и они начнут расходиться. А те, кто увидел то, что им полагалось, будут стоять на одном месте и в течение определенного времени сосредоточенно смотреть в пустоту. Каждая призма настроена на волну одного, первым уловившего его человека, и кроме испытуемого больше никто не сможет увидеть головоломку до того, как она будет собрана. Когда же какой-нибудь везунчик соберет свою головоломку, вездесущий Ремесленник будет уже ря-

дом (уж они-то точно видят все призмы на площади).

Как говорил Чез, призма имеет всего четыре стороны (кто бы мог подумать), на каждой из которых располагается жуткая смесь «магов», взятых из разных сфер. Всего четыре основных сферы: огненная, водяная, воздушная и земляная. Каждая представляет свою стихию. Причем, все устроено так, что только человек с определенным коэффициентом способностей к этой сфере, может выделить «маги» этого цвета и перенести их на одну из граней призмы. Когда Высший Ремесленник закончит свою речь, головоломки начнут работать, и каждый человек с достаточными способностями тут же увидит свою магическую призму. Таких людей, как правило, оказывается не мало, но лишь немногие из них впоследствии могут полностью выделить одну из сфер.

Едва стихла последняя фраза, как во дворе началось что-то невообразимое: люди начали шнырять от угла к углу, старательно пытаясь разглядеть что-то в воздухе. Если быть до конца честным, то все знали, что если ты не увидел свою головоломку в течение минуты, то ты ее и не увидишь... но кто сможет так запросто признаться себе в том, что все мечты рухнули?

Мы с Чезом посмотрели друг на друга, и пошли в обход двора с разных сторон. Мы шли не торопясь и внимательно смотрели по сторонам. То и дело нас кто-то толкал, и мы могли бы быть много раз затоптаны, но не так-то просто сбить с ног человека, занимавшегося Искусством, пусть даже – как

в моем случае – срок обучения составляет всего лишь пару лет.

Вдруг Чез остановился, его взгляд уперся в одну точку где-то на уровне трех метров над землей и слегка расфокусировался. Что ж, свою призму он уже нашел, остается пожелать ему удачи.

Я еще немного побродил по двору, но спустя пару минут пришлось признать, что головоломки я не увижу. Жаль, ведь это могло бы быть весьма интересно.

Я остановился на секунду, чтобы включить свою «музыкалу», и в последний раз окинул взглядом двор. Почти весь народ уже разошелся, остались только одинокие фигуры счастливых, корпящих над своими магическими призмами и, конечно же, группа Ремесленников, внимательно следящая за испытуемыми. Чеза я взглядом найти не смог, и включив «музыкалу» отправился в сторону ворот, со скучающими по обе стороны стражами.

Так получилось, что проходить мне пришлось мимо группы Ремесленников и учеников, стоящих в центре площади. Едва приблизившись к ним, я автоматически окинул взглядом их лица и к своему удивлению заметил парочку, с которой разговаривал на площади. Они так же меня заметили и, мигом поняв, что я не прошел испытания, одарили сочувствующими взглядами. Особенно сочувственным был взгляд девушки... хотя кто их разберет...

В «музыкале» играла очень веселая мелодия, и я подумал,

что жизнь, в общем-то, далеко не закончена. Подумаешь, я и не собирался в эту Академию. Зато Чез получил то, о чем мечтал – возможность попробовать свои силы. Я надеюсь, что он пройдет это испытание, а остальные – это уж дело техники.

Уже подходя к выходу, я краем глаза заметил какое-то странное свечение справа от себя. Я тут же, тайно от себя надеясь, что это именно то самое «нечто», которое я должен был увидеть, повернулся и увидел непонятный сгусток энергии, переливающийся всеми цветами радуги. Почему-то, когда я слышал слово призма, мне представлялось нечто совершенно другое... Ну уж точно не непонятный ком неопределенной формы и совершенно неудобоваримого цвета. Какие там четыре смешанных цвета? Тут их вся сотня, и все переливаются так, будто этот комок кто-то старательно месит, норовя окончательно смешать все цвета в однородное месиво.

И как я эту штуку раньше не заметил?

Признаюсь, цвет этого комка мне совершенно не понравился, хотя с чего бы? Мне неожиданно стало как-то противно. Настолько противно, что я невольно – таких дурацких привычек за мной с роду не водилось – потянулся к сгустку своей мыслью и попытался привести всю эту кашу в надлежащий вид. Хотя бы уж выделить четыре конкретных цвета, вместо этих гадких переливов от бежевого до грязно-фиолетового.

Каково же было мое удивление, когда вся эта масса зашевелилась, будто процесс размешивания непонятного варева повернули вспять, и теперь оно старательно приобретает цвета налитых в него ингредиентов. Спустя пару секунд все было кончено – передо мной в воздухе висела не непонятная масса, а аккуратная четырехцветная призма. И что прикажете дальше делать? Любоваться делом рук своих? Хотя при чем тут руки...

Каждая из четырех граней призмы представляла собой ярко светящиеся своим цветом «маги». Они так ярко светились, что у меня зарябило в глазах. Не прошло и пары секунд, которые я провел в немом восторге, как мои глаза начали слезиться. Перед моим взором поплыли красные круги, и я пошатнулся, так до конца и не решив, какой из четырех цветов больше ласкает (или слепит) мой взгляд.

Тут кто-то нежно тронул меня за руку.

– Парень, не переживай ты так, попробуешь в следующий раз, – услышал я сквозь завлакивающий мое сознание туман женский голос, – давай я тебя провожу.

Приятно конечно, и я бы с удовольствием прогулялся с девушкой по городу до дома, но я же ее даже не вижу. И вообще, у меня виски начало ломить!

– Уберите свет! – не выдержав, крикнул я.

Глаза уже перестали что-либо видеть, вместо двора я видел переливающееся четырьмя, уже ставшими мне ненавистными, цветами радуги зарево.

– Эй! Да у него сенситивный шок! – вскричала девушка. Ко мне тут же подбежали еще какие-то люди.

– Заберите его отсюда и проводите в башню, – распорядился спокойный мужской голос.

Меня подхватили под руки и куда-то потащили. Когда сознание уже почти покинуло меня, я не к месту подумал о том, что какой-то подлец выхватил из моих рук «музыкалу», прервав тем самым веселую мелодию.

И в тот же момент сознание отказалось меня покидать. Оно осталось со мной с болью в глазах, пробивающей до самого мозга. Но даже эта боль была не сравнима с тем, что было до этого.

Я пошатнулся от неожиданности и выдал такой вздох облегчения, что ведущие меня под руки люди остановились и испуганно уставились на меня, по всей вероятности решив, что я уже испустил дух.

Два силуэта расплывались у меня в глазах синими пятнами, и я понял, что это, по всей видимости, старшие ученики.

– Все в порядке, мне уже лучше, – выдавил я.

– Что с тобой случилось? – спросил взволнованный женский голос, и я наконец-то смог сквозь красную пелену увидеть красивое лицо девушки, встреченной мною на площади.

Я судорожно вздохнул и часто заморгал, пытаясь хоть как-то прогнать с глаз красную пелену и приобретая взамен троекратно усиленную головную боль.

– Да вот... стою смотрю на этот ваш непонятный цвета-

стый комок... Кстати, вы вообще думаете, что делаете? Я же чуть не ослеп! Вы ведь говорили, что первое испытание не опасно, а тут такое... — я задохнулся от переполнившего меня возмущения.

Что удивительно, я совершенно не понимал, что за чушь несу, и уж тем более не мог себя никак заткнуть до того момента, пока у меня не иссяк воздух в легких.

Девушка подозрительно посмотрела на меня и произнесла на удивление спокойным и тихим голосом.

— Ты ведь шутишь?

Я прервал свою совершенно глупую тираду и удивленно уставился на нее.

Она пристально смотрела в мои красные и слезящиеся глаза до тех пор, пока я опять не пошатнулся и не оперся на стоящего очень кстати рядом парня.

— Э, да ты совсем плохой, — она повернулась к парню, терпеливо держащему меня под руку. — Отведи его в кабинет Мастера Ромиуса, он разберется с этим «чудом» сразу после того, как закончит здесь.

У меня такое чувство, что она хотела сказать какое-то другое слово. С чего бы это?

Она повернулась и быстро пошла в направлении, противоположном тому, в котором меня потащил парень.

Я проводил все еще мутным взглядом девушку, и перевел взгляд на ведущего меня под руку парня. Такие же, как у меня темные волосы, только начинающая расти борода и

смешливые глаза. В общем, самый обычный парень, не считая того, что он принадлежит к лучшим ученикам Академии, о чем говорит темно-синий оттенок ливреи (это я на тот случай говорю, если вы этого еще не знаете).

– Да ладно, – сказал я, отстранившись, – сам дойду, ты только дорогу показывай. Как тебя зовут-то, а то как-то неудобно...

Парень улыбнулся.

– Ник.

– А меня Зак, – сказал я. – Очень приятно.

Больше ничего я сказать не успел, потому что мы подошли к входу в башню. Огромные двери казались такими же незыблемыми, как и сама башня. Однако, как только до них дотронулся мой провожатый, они на удивление тихо и мягко отворились, открыв моим глазам длинейший коридор.

Ник зашел и поманил меня за собой. Я немного задержался, неожиданно осознав, что впервые в жизни вхожу в Академию Ремесла. Считалось большой честью попасть в нее, не являясь учеником или Ремесленником. Разве что наш правитель да специалисты из других стран могли войти в эту башню, да и то по специальному приглашению.

Я ступил на красный ковер и почувствовал, что ворота за мной так же тихо закрылись. Если бы не легкое дуновение ветра в спину, я бы вообще этого не заметил.

Мы пошли по красному ковру вперед по коридору.

Каменные стены коридора угнетали. Мы проходили мимо

множества однотипных дверей, и я быстро заскучал от монотонности окружающей нас обстановки. И чего такого особенного в этой башне спрашивается? Подумаешь, высокая...

Мой провожатый, по всей видимости, не желал общаться, да и у меня все еще жутко болела голова. Осталось только смотреть по сторонам. Над нами светили самые обычные лампы, работающие на «магах», но я присмотрелся внимательнее и скоро заметил, что лампы не совсем простые. Они светили таким образом, что мы совершенно не оставляли теней. То же самое касалось и прочих предметов: изредка встречающихся ваз и красивых золотых доспехов. И это при том, что ламп было в среднем одна на десять метров! Одна такая лампа, как бы обволакивала светом весьма приличную площадь.

Мы подошли к одной из дверей, с виду ничем не отличающейся от прочих, и она опять-таки моментально открылась от одного прикосновения Ника.

Когда я прошел вслед за ним в дверь, моему взору открылся приличных размеров зал, на полу которого на равном расстоянии друг от друга стояли круглые платформы высотой в пару десятков сантиметров. Все они были покрыты золотом, как и большинство вещей, созданных Ремесленниками. Это были знаменитые «телепорты»!

«Телепортами» пользовались только в стенах Академии, и узнал я их только по рассказам, неизвестно как просочившимся за стены Академии. Кто-то из Великих Домов, пом-

нится, жаловался, что можно было бы оснастить этими «телепортами» весь город, но Академия ревностно охраняла свои секреты и не собиралась ими делиться ни с кем.

– Это мне... туда? – спросил я, с некоторым страхом глядя на круглую платформу, которая засветилась, едва к ней подошел мой проводник.

Моя опаска легко понятна, если знать принцип действия «телепортов». Я его, понятно дело, не знал, но слышал кое-какие догадки, которые они мне совершенно не понравились. Чего стоит одна теория, по которой «телепорт» разбирает человека на мелкие кусочки, а потом собирает его в другом месте. Мне совершенно не улыбалось быть разобранным на мелкие кусочки. А вдруг потом что-нибудь не так соберется?

Ник понимающе улыбнулся.

– Небось вспомнил одну из теорий, распространенных в городе?

Я согласно кивнул.

– Можешь расслабиться, все они довольно далеки от правды. Более того, скажу по секрету, большинство из них Академия распространяет сама, – он предупреждающе поднял руку. – Не спрашивай, просто у Академии своя, очень сложная политика. Я могу дать тебе слово, что ничего страшного в «телепортации» нет. Тебя не расщепит на атомы, и не будет никаких твоих копий.

Хотя я понятия не имел, что такое «атомы», да и о «рас-

щепления» имел лишь смутные догадки, я ему все же поверил. Как тут не поверишь, ведь Ремесленники никогда не лгут... во всяком случае так многие считают.

– Что мне делать? – как можно бодрее спросил я.

– Просто встань на этот святающийся круг, а когда попадешь в другое помещение, тут же сойди с него.

Я послушно встал на «телепорт» и, естественно, моргнул, слегка ослепленный светом, идущим от платформы. Едва моргнув, я с удивлением понял, что уже «телепортировался». Я оказался в обычном с виду кабинете, в строгом стиле со стеллажами книг вдоль стен, большим столом и парой кресел посередине. Единственным источником света было окно, в которое бросало лучи солнце.

Я так засмотрелся, что чуть не забыл сойти с «телепорта».

Едва я отошел, во вспышке света появился Ник.

– Предупреждаю сразу, ничего не трогай. А то превратишься в лягушку... случайно. Садись сюда, – он указал на здоровенное кресло, стоящее напротив стола. – И жди, когда придет Ремесленник Ромиус. А мне нужно присутствовать на принятии, оно еще далеко не закончилось.

Договорив, он так же быстро шагнул на телепорт и тут же пропал в легкой вспышке света.

Я с опаской на цыпочках подошел к креслу и сел в него. Чего уж говорить, оно оказалось невероятно мягким.

Хотя голова все еще болела, я сосредоточился и решил обдумать, что же со мной все-таки сегодня случилось. Хоро-

шо, что я кое-что знаю про эти испытания, а все благодаря Чезу, он всегда рассказывал мне все, что по таким крупичкам собирал годами. Он просто бредил Академией и знал о ней все, что только возможно, а благодаря ему, я и сам стал знать не на много меньше.

В первом испытании определяется сила и склонность к стихиям. Сначала определяются общие способности, затем предрасположенность, по которой выделяется одна из четырех сфер. Потом измеряется сила, собранная грань «призмы» горит тем ярче, чем больше силы у человека. Естественно, на самом деле для каждого человека призма светится по-своему. Нет ничего удивительного в том, что я увидел и даже умудрился собрать все четыре грани. Такое бывает довольно часто, это просто означает, что у меня равная предрасположенность ко всем стихиям. Но вот то, что меня ослепило, об этом я ничего не знаю. Ну не может у меня быть таких сильных способностей к Ремеслу, ведь даже записывая очередной музыкальный альбом, я в поте лица сижу перед «музыкалой» несколько дней подряд с перерывом на обед и ужин. Причем на те же самые действия, за исключением написания музыки, у Чеза тратится всего несколько часов. Если у меня столько силы, сколько показало испытание, то Чез, выходит, чуть ли не полубог. Хех, а смешно. Чез – полубог, вот умора.

Что меня больше всего волновало, так это тот факт, что я прошел по всему двору не один раз и, я совершенно уверен, что никаких сгустков энергии не видел. Это-то и есть самое

странное...

Чтобы лучше мыслилось, я поудобнее устроился в кресле, и сам не заметил, как задремал.

* * *

Типичный класс. За столами сидят маленькие дети.

У доски стоит маленький мальчик и с серьезным лицом декламирует:

— Мой дядя самых честных правил...

* * *

Разбудила меня яркая вспышка «телепорта». Из нее вышел плотный человек в красной ливрее и с черным посохом в руках.

Посох был исключительной прерогативой Высших Ремесленников, потому что лишь они могли наложить соответствующие заклинания, да и никому кроме них посохи были просто не нужны. Они использовали посохи для более сложных заклинаний, и, кроме того, каким-то образом аккумулялировали в них «маги». Посох в руках этого человека был сделан из черного дерева «тувит», по слухам растущем где-то в Шатере, и на нем были начертаны какие-то непонятные узоры. Я поневоле уставился на посох, потому что никогда

еще не видел ничего подобного.

Посох этот человек тут же кинул в угол и он завис там в вертикальном положении на равном расстоянии от каждой из двух стен и пола.

– Ну что ж, теперь поговорим с вами господин как вас там, – весело сказал Высший Ремесленник, садясь во второе кресло.

Я перевел взгляд с посоха на Высшего Ремесленника Ромиуса, как я полагаю, его звали именно так. Он как раз вышел из тени и я, наконец, смог его рассмотреть: длинные рыжие волосы ниспадали на весьма широкие плечи, ростом высок, лицо сразу располагает к себе, и весь его вид говорит – этому человеку можно доверить все, что угодно. Сразу на ум приходит какой-нибудь добрый дядюшка из дальней родни, который всегда рад помочь своему родственнику.

Он продолжил.

– Что вы скажете в свое оправдание?

Вот такого я совершенно не ожидал, и удивленно застыл, глядя на Ремесленника.

– В каком смысле? – наконец пришел я в себя.

– Вы стоите на площади, льете слезы и кричите неизвестно чего. Какое у вас оправдание? – спросил он серьезным тоном, причем глубоко в его глазах таилась явная насмешка.

– Да вот, дай, думаю, повеселю Ремесленников. Стоите на площади, скучаете, а так хоть какое-то развлечение.

Ремесленник усмехнулся.

– Да уж, повеселил, что уж говорить. Я догадываюсь, что случилось на площади, – перешел он на серьезный тон. – А что ты сам об этом думаешь, что по твоему мнению произошло?

Ну что тут скажешь?

– Я сам не знаю, – начал я. – Понимаете, я уже собрался уходить, когда вдруг увидел эту вашу призму. Она висела над двором и была настолько изуродована каким-то извращенцем, что мне ее стало просто по-человечески жалко. Настолько жалко, что пришлось мне выделить все четыре цвета. Кто же знал, что они так светиться ярко начнут...

Ремесленник молча кивнул, показывая мне, чтобы я продолжал.

– Ну и все... у меня резко заслезились глаза, а дальше вы видели.

– И что ты об этом думаешь? – спросил он.

– В общем-то, все понятно. То, что я смог собрать все четыре грани, указывает на то, что у меня одинаковый талант ко всем стихиям...

Ремесленник согласно кивнул.

– А касаясь ослепления... об этом я ничего сказать не могу, но зато могу добавить, что есть во всем этом одна странность. Я несколько раз до этого проходил по двору и, совершенно однозначно могу сказать, что не видел в воздухе никаких магических призм.

Ремесленник удивленно приподнял одну бровь.

– Значит так, да? – задумчиво произнес он. – А что ты делал в тот момент, когда увидел головоломку?

– Ничего особенного, шел мимо вас, и слушал музыку.

– Музыку? Интересно, и что именно?

– Да обычную композицию, – неуверенно ответил я.

– Какую композицию? – подавшись вперед, спросил он.

Пришлось признаться, что свою собственную.

– Интересно, – опять произнес он. – Значит так, наш разговор останется сугубо между нами. Испытания тебе проходить бесполезно, потому что ты их все равно не пройдешь...

– Как это?! – обиженно вскрикнул я.

– Очень просто, у тебя нет силы. Вернее есть, но немного, чуть больше чем у среднего человека, но много меньше того, что требуется для прохождения испытания. Так что в чем-то ты прав, у тебя действительно равная склонность ко всем стихиям, но способности настолько малы, что ты не должен был не то что собрать, но даже увидеть «призму». Но сейчас это не важно, потому что я тебя все равно зачислю. С твоим случаем стоит разобраться, а на первых порах обучения недостаток силы можно списать на простую нехватку умения. Если тебя о чем-то будут спрашивать, то ты можешь смело отвечать, что все испытания прошел, а какими именно они были... это сугубо личное дело. Испытания у каждого свои и многие не любят про них вспоминать...

Что же это за испытания такие?

– ...В общем, пока ты можешь отправляться домой, а зав-

тра, в конце учебного дня, тебе придется еще раз зайти ко мне, чтобы мы в спокойной обстановке и на свежую голову обсудили все, что произошло на площади. Если ты не знаешь, то меня зовут Мастер Ромиус Никерс.

Я и так от удивления не знал что сказать, но когда он произнес название своего рода, я удивился так, как еще в жизни не удивлялся.

– А...

Ромиус посмотрел на меня.

– Ты что-то хочешь сказать? И кстати, назови, наконец, свое имя. Не стыдно тебе? И чему вас только в школах учат?

– А... Закери... Закери Никерс, – с трудом проговорил я.

В комнате повисло молчание.

– Ты случаем не с тетей Элизой живешь? – спросил он, наконец.

– С ней самой, – радостно сказал я.

– И как там поживает моя сестренка? – улыбнувшись, спросил Ремесленник Ромиус Никерс или, проще говоря, мой дядя.

Действие 3

Когда я вошел в «телепорт» вслед за Ромиусом, наступила уже вторая половина дня. Мы просидели у него в кабинете, по меньшей мере, два часа, попивая чай и вспоминая и перебирая наших родственников. Что уж говорить, их оказалось великое множество. Все Великие Дома были переплетены между собой сложными родственными связями, и считалось, что все они ведут свое начало от самой первой правящей династии. Все они гордились тем, что несут в себе кровь и наследие древнейших королей. Хотя, если честно, мало кто из нас в это действительно верил.

Мы прошли по уже знакомому мне коридору, и вышли через огромные деревянные ворота на площадь. Тут царило все такое же столпотворение, процесс приема еще не завершился и как раз в тот момент, когда мы вышли из башни, запомнившийся мне странный голос заканчивал уже знакомую мне речь.

— ...Если же нет... то попытайте счастья в следующий раз.

В тот же момент, люди засуетились и начали метаться по площади из угла в угол. Я все это уже видел, но теперь было весьма интересно посмотреть со стороны.

Только через несколько секунд я обратил внимание на то, что Ромиус остановился рядом и с интересом смотрит на меня. Я сначала не мог понять, что его так заинтересовало, а в

следующий миг до меня дошло. Я же наверняка должен увидеть свою призму, если, конечно, ее не убрали! Или новую призму?

Я ответил на вопросительный взгляд Ромиуса пожатием плеч.

– Ничего не видишь? – для верности уточнил он.

– Ничего, – разочарованно, и в то же время облегченно, ответил я.

Уж очень мне не хотелось вновь испытать ту боль...

– А если включить музыку? – предложил он. – В качестве эксперимента.

– Я бы с радостью, но кто-то взял «музыкалу» из моих рук, перед тем, как отвести в башню, – спохватился я.

– Сейчас заберем твою «музыкалу», – отмахнулся Ромиус.

Мы прошли через толпу, которая послушно расступалась перед Ромиусом, и подошли к Ремесленникам. Они были сильно увлечены какой-то дискуссией, потому что даже не сразу заметили, как мы подошли. Громче всех верещал какой-то пухленький Ремесленник в красной ливрее, он что-то доказывал двум другим учителям Академии, а стоящие рядом ученики увлеченно слушали, иногда шепотом переговариваясь между собой, но не смея перебивать Учителей.

Когда мы подошли вплотную, на нас тут же обратили внимание ученики, среди которых были уже знакомые мне красивая девушка, ее парень, и Ник. Они приветливо помахали мне, не решаясь подойти, пока рядом со мной стоит Ремес-

ленник.

Однако спорящие учителя нас заметили не сразу.

— ...Вы не понимаете, она не может проходить испытания, как обычный человек, — распинался толстячок. — Она же... не человек... она... — тут он заметил Ромиуса. — Вот! Здравствуйте Мастер Ромиус, вас-то я и жду.

Ромиус с удивленно приподнял одну бровь.

— Меня? Еще недавно вы говорили, что в жизни не знали такого неуча как я, и сомневались в моих умственных способностях, а теперь говорите, что ждете меня? — наигранно изумился Ромиус.

— Ну... — смутился толстячок. — Когда это было...

— Не далее, чем вчера, — услужливо подсказал Ромиус.

— Это был обычный спор, — быстро проговорил толстяк, — мало ли чего наговоришь с горяча, но право же вы были не правы, только совершенный неуч мог предположить, что... — тут он опомнился. — Простите еще раз, сейчас разговор совсем не об этом, тут все намного серьезнее. Это попираание правил Академии, которых из покон веков придерживались все Ремесленники...

Я уже начал скучать, стоя за спиной Ромиуса, когда заметил, что девушка машет мне рукой, подзывая к себе. Я тихонько, стараясь не мешать Ремесленникам, подошел к стоящей отдельно от других учеников девушке.

— Ну что? — взволнованно спросила она. — Ты себя нормально чувствуешь?

– Да, все в порядке, – махнул рукой я.

– Что тебе сказал Мастер Ромиус?

Вот тут я немного задумался. Мы с Ромиусом договорились, что я никому не буду рассказывать о том, что произошло, а просто скажу, что прошел испытание. Но что делать с ней? Я же ей уже успел рассказать о том, что смог выделить все четыре стихии, а это уже само по себе весьма знаменательное событие.

– Ну... ничего особенного, просто слегка переутомился, переволновался, а когда увидел этот сгусток красок с непривычки испугался, – ляпнул я первое, что пришло в голову.

Девушка недоверчиво посмотрела на меня.

– Сейчас ты еще скажешь, что не выделял всех четырех стихий?

– Да... то есть нет. Одну я выделил стихию, уж и пошутить нельзя, – слегка натянуто улыбнулся я.

– Ну да... – задумчиво протянула она. – И что же?

Я изобразил радость, что, если честно, было не трудно.

– Меня приняли.

– И что, без испытаний на адекватность, соответствие, память, и прочих? – с явным недоверием в голосе спросила она.

– Нет, почему же, я прошел испытания, – уже более уверенно ответил я.

– А как же...

Договорить она не успела, потому что ее прервали подо-

шедший Ник, и, шедший вместе с ней днем по площади, широкоплечий ученик.

– Ну что? – повторил вопрос девушки Ник. – Приняли?

Я радостно кивнул.

– Кто бы мог подумать, – лукаво протянул широкоплечий блондин. – Захотел и поступил. Не удивлюсь, если ты еще и темно-синюю ливрею заслужишь, – подмигнул он мне. – Лет через десять.

– Так что с испытаниями? – не обращая на парней внимания, продолжила допрос девушка.

– Что ты к нему пристала Анна? – сказал здоровяк, обнимая ее за плечи. – У человека радость, а ты к нему с расспросами, он небось еще в себя-то прийти никак не может.

Я благодарно посмотрел на него, радуясь тому, что не придется больше врать.

– Да, конечно Серж, – вымучено улыбнулась Анна. – Слишком я любопытная.

– И не говори, – серьезно сказал Ник, и, не выдержав испепеляющего взгляда девушки, рассмеялся. – Ну ладно, ладно. Шучу я так. Пойдемте лучше посмотрим, что там решили наши сиятельные господа Ремесленники.

– А о чем они так ожесточенно спорили? – поинтересовался я, когда мы пошли в сторону все еще спорящих Ремесленников.

– Не поверишь, – почему-то шепотом сказал Ник. – Тут такое было...

– Ага, – поддакнул Серж. – Примерно час назад во двор Академии зашел человек в балахоне с капюшоном, скрывающим лицо. Все началось как обычно, приветственная речь, начало первого испытания. Этот человек прошел его, присоединившись к стихии огня, и в последствии прошел все испытания.

– И что же тут необычного? – спросил я.

– Да ничего, не считая того, что когда в конце всего этого дела, его попросили открыть свое лицо, и это оказался...

– Вампир, – перебила Сержа Анна.

– Да, вампир, – продолжил Серж, – более того, весьма милый вампир женского пола.

Я удивленно уставился на Сержа, пытаюсь переварить то, что услышал. Вампир вышел среди бела дня на улицу и отправился не куда-нибудь, а на поступление в Академию. Это просто невероятно, они же не имеют права выходить на улицы города до полуночи. И уж тем более, не было ни одного случая поступления вампира в Академию. Дело даже не в том, что у вампиров не бывает способностей к Ремеслу, потому что им свойственны свои собственные уникальные способности, а в том, что ни один из этих кровопийц просто не посмел бы явиться сюда, в Академию.

– И как же он открыл свое лицо, если это был вампир, а солнце еще не село? – поинтересовался я, скорее по инерции, нежели из любопытства.

– А! – поднял указательный палец вверх Серж. – А вот

это вторая странность. Эта вампирша была из клана Ноос, достоверных сведений о котором нет не только у нас, но даже, насколько мне известно, у самих Ремесленников.

– А... – Я собрался продолжить расспросы, но на меня шикнул Ник, потому что мы приблизились к спорящим Ремесленникам.

– Это возмутительно! – верещал толстяк. – Мы не можем допустить такого надругательства!

– Она прошла все испытания, – спокойно проговорил Ромиус. – Она имеет полное право обучаться в Академии, и ни в одном правиле, на которые вы так любите ссылаться мой дорожайший коллега, не написано ничего такого, что могло бы воспрепятствовать ее поступлению.

Двое других Ремесленников согласно кивнули.

– Но... но... – обреченно пробормотал толстяк. – Так же нельзя...

– Ничего не поделаешь, друг мой, – неожиданно дружелюбно произнес Ромиус, кладя руку ему на плечо. – Не мы создали эти правила, но мы обязаны им следовать.

Толстяк махнул рукой и пошел в сторону башни, что-то бормоча себе под нос.

– Бедный Шинс, – вздохнул Ромиус. – А ведь у него есть причины для возмущения. Это действительно серьезная проблема. Ну ладно, об этом потом, у меня еще есть кое-какие дела, – он повернулся к ученикам. – Кто взял на сохранение «музыкалу» молодого человека, когда он получил

солнечный удар?

Серж, опомнившись, вытащил из за пазухи мою «музыкалу», и протянул мне.

– Слушай, хорошая музыка. Ты где ее взял? – спросил шепотом.

– Это мое, – в некотором смущении ответил я, принимая из его рук круглый, диаметром сантиметров десять и шириной сантиметра в два, предмет, в простонародье именуемый «музыкалой».

– Дашь потом переписать, – шепнул он мне и отошел к остальным ученикам.

Ромиус поманил меня за собой, и мы отошли к дверям башни.

– Включи ту же мелодию, что ты слушал, когда увидел... то, что увидел, – сказал он.

– Ладно, – с готовностью ответил я и включил «музыкалу».

Она послушно заиграла приятную музыку.

– Ну что, видишь что-нибудь? – нетерпеливо спросил Ромиус.

Я отрицательно покачал головой, внимательно оглядывая весь, уже почти опустевший, двор.

– Смотри туда, где собрались люди, проходящие испытание, над ними должны быть свободные призмы, – подсказал он.

Я еще пару минут смотрел по сторонам, но никакого тол-

ка от этого не было. Я пожал плечами, потом в последний раз окинул весь двор усталым взглядом и выключил «музыкалу».

– Не вижу. И как я до этого умудрился увидеть? Может, мне все это показалось, и у меня и в правду был солнечный удар? – грустно спросил я, молча стоящего рядом дядю. – Может не стоит мне идти учиться в Академию? Нет у меня никаких способностей.

– Посмотрим, – ничего не выражающим голосом ответил он. – А пока иди домой, и сегодня вечером будь в «Золотом полумесяце». Кстати, «музу» твою я на время конфискую, надо разобраться, что у тебя там за музыка такая...

Я послушно отдал Ромиусу «музу» и, пожав ему руку, повернулся в сторону выхода.

– Да, и вот еще что, – произнес Ромиус. – Поменьше распространяйся о том, что произошло. Все Ремесленники видели произошедшее, ведь мы видим все призмы, находящиеся на площади, но о нашем разговоре им знать не обязательно. С ними я сам разберусь. А остальным говори, что ты с горем пополам выделил сферу огня, а потом от перенапряжения тебя хватил удар. Нервишки, вроде как, шалят.

Я удивленно обернулся, но он уже пошел в сторону одной из четырех групп, стоящей в дальнем углу двора.

То есть, старшие ученики не видели того, что я выделил все четыре цвета. Тогда понятен интерес девушки, и совершенно не понятно полное равнодушие двух других Ремес-

ленников, находившихся в этот момент во дворе. И Ромиус не выглядел особенно заинтересованным... странно...

Мне ничего не осталось, кроме как махнуть рукой на прощанье ученикам, которые так же начали расходиться по группам, видимо, помогая Ремесленникам следить за прохождением испытаний, и пойти домой.

Только пройдя через ворота, и оказавшись на Площади Семи Фонтанов, я почувствовал, как невероятно устал и проголодался. И не мудрено, ведь уже вечерело, а я не ел с самого утра.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив красным заревом безоблачное небо. Собственно, над нашим городом небо всегда безоблачное, факультет воздуха внимательно следит за погодой.

На площади все так же толпился народ, раздавались крики продавцов, предлагающих пирожки, булочки и прочую снедь. Я невольно облизнулся, но с покупкой все же повременил, решив купить что-нибудь в более дорогом квартале. Положение обязывает, да и привычка к дорогой и вкусной пище культивировалась во мне еще с детства.

Настроение толпы, как я и думал, кардинально изменилось. Если когда я проходил тут днем, люди напряженно стояли, ожидая своей очереди, то теперь, в основном, люди просто толкались у башни, либо в ожидании кого-то, либо просто ради интереса и из-за скуки.

Как правило, принятие заканчивалось еще до захода солн-

ца. Конечно, весь город не мог пройти испытания в Академии, это была прерогатива Великих или богатых семей, живущих в центре города. Остальным приходилось проходить испытания в филиалах Академии, расположенных на окраинах. Всего их было около десяти. Собственно, именно благодаря Академии, город Лита и стал самым богатым и самым большим городом мира. Чего стоит одно «озолочение» нашего города. Кстати, на принятие в Академию приезжали люди из других городов, и даже из Приграничья.

Я огляделся по сторонам, в надежде найти Чеза или тетю с девочками, но никого из них не было в поле моего зрения, и мне пришлось направиться домой в гордом одиночестве.

Голод напоминал о себе, и я купил несколько пирожков с мясом у проходящего мимо торговца. В последнее время стараниями Императора все труднее было найти мясные продукты, и все блюда из мяса стали стоить немалых денег, автоматически становясь пищей избранных.

С наслаждением жуя и дыша свежим (не без помощи Ремесленников) воздухом, я брел по улицам города. Из головы выветрился весь туман, прихватив с собой заодно и все мысли. Так я и дошел до дома, не утруждая себя мыслительными процессами и ни на чем не фокусируя своего внимания.

Самое удивительное, что дома еще никого не было. Об этом я узнал, простояв под дверью десятков минут, и выжимая звонок до отказа. Тетя и ее племянницы то ли еще не вернулись, то ли ушли на один из светских приемов, которые

я терпеть не мог. Ключи от дома я, конечно же, забыл, и поэтому мне по привычке пришлось залезать в дом через окно второго этажа. Вообще-то, защитные заклинания должны были охранять дом от вторжений, но я вычислил, что если оставить окно второго этажа открытым, то и защитные заклинания на втором этаже не будут действовать. Поэтому обычно я оставлял окно своей комнаты открытой, просто на всякий случай.

Я подпрыгнул до подоконника и, подтянувшись, встал на него двумя ногами, держась за едва заметные трещины в стене. Окно я, как обычно, оставил приоткрытым, и мне не составило труда открыть его до конца и запрыгнуть в свою комнату.

Повернувшись, чтобы закрыть за собой окно, я услышал тихий голос за спиной.

– Стой.

Поскольку я вроде бы и так стоял, я решил продолжать в том же духе.

– Медленно закрой окно и повернись, – все так же тихо приказал голос.

Я закрыл окно и очень медленно повернулся.

На моей святой святых постели, сидело нечто. Нечто было одето в коричневый балахон и направляло на меня небольшого размера арбалет.

Признаюсь, впервые я был настолько удивлен, что даже не знал что сказать.

– А... удобно? – наконец спросил я.

– Что ты здесь делаешь? – раздалось из-под капюшона.

– Живу... – слегка хрипловато ответил я, бегло окинув комнату взглядом.

Никаких следов обыска или ограбления не наблюдалось, весь мусор, который вечно валяется на моем полу, так там и валялся. Единственный стол все так же был заложен разными «музами». Вот только на кровати все еще сидело это странное нечто.

– Живущие в доме, как правило, через окно в него не лезут, – подметило нечто.

В чем-то оно конечно право.

– А я ключи забыл, – уже уверенней ответил я.

– Ну конечно, все вы ключи забываете, вот сейчас отведу тебя к страже, ты это им расскажешь, – насмешливо произнесло нечто в балахоне.

Тут мне стало смешно. Оно сидит в моем доме, в моей комнате, на моей кровати и угрожает мне стражей, при этом направляя на меня арбалет, от стрел которого учат уклоняться еще на первом году обучения Искусству. Я не смог удержаться и захохотал.

– Ты что, псих? – спросило нечто.

– Ага, – радостно ответил я. – И я очень не люблю, когда на меня направляют арбалеты.

С этими словами я быстро прыгнул вперед наискосок и, увернувшись от стрелы, выбил арбалет из рук незваного го-

стя.

Гость от неожиданности опрокинулся на спину и с него слетел капюшон. Я быстро напрыгнул на барахтающуюся в балахоне фигуру и прижал ее к кровати, цепко схватив руки и для верности зажав своими ногами его ноги.

Взглянув, наконец, в лицо своему врагу, я от неожиданности чуть не выпустил ее руки. На меня смотрела невероятно красивая девушка с испуганными глазами и очаровательными длинными клыками. Ее красные глаза и столь же красные губы очень мило смотрелись на фоне белой кожи и темных длинных волос.

– Э, да со мной такое впервые, – как можно очаровательней улыбнулся я. – Девушка сама ложится в мою кровать, при этом, не потрудившись даже представиться.

Немного расслабившись, я чуть не получил коленом в весьма нежелательное место. Хорошо, что не один год отрабатываемые рефлексy меня не подвели, и я успел увернуться.

– Девушка, как вам не стыдно? – все таким же сладким тоном спросил я. – Я вас не трогал, зачем же стрелять, вы, между прочим, испортили мою любимую картину, – добавил я, уголком глаза заметив, что стрела попала прямо в середину упомянутого произведения искусства. На картине была изображена лодка, плывущая по речке вдоль зеленого берега одного из древнейших садов города. Вот прямо в лодку-то стрела и попала.

На очаровательном лице застыл страх, и мне даже стало стыдно.

— Ну что вы, я ничего вам делать не собираюсь, — успокаивающе сказал я, — вы милая леди обещаете вести себя хорошо?

Она согласно кивнула.

— Тогда я вас сейчас отпущу, и мы спокойно поговорим, — произнес я, спрыгнув с кровати красивым сальто назад. Надо же перед девушкой покрасоваться.

Девушка присела на кровати, все еще испуганно поглядывая то на меня, то на откинутый мной в другой угол комнаты арбалет.

— Что же вы забыли в моей комнате? — нарушил молчание я.

— Так это все-таки ваша комната? — на удивление спокойно уточнила гостья.

— Еще сегодня утром была моей, — улыбнулся я.

Моей радости девушка явно не разделяла.

— А почему через окно? — поинтересовалась она, незаметно подвинувшись на кровати в сторону арбалета.

— Я же сказал, ключи забыл, — ответил я, подняв с пола арбалет, чтобы не искушать гостью. — Так что же вы тут забыли милочка?

Гостья закусила губу, что довольно страшненько смотрелось, с ее-то клыками.

— Я пряталась, — наконец ответила она.

Я вопросительно приподнял бровь.

– ... Меня искали мои... мои родственники.

– Ага, и вы от них арбалетом отстреливалась, – вставил я.

Она осуждающе посмотрела на меня.

– Нет, просто таким как... как я, лучше не выходить из дома без оружия. Нас, знаете ли, не очень любят...

Тут я с ней совершенно согласен. Вампиры и прочие ночные обитатели города и его окраин отнюдь не пользуются популярностью, скорее наоборот. Если кто-нибудь пристрелит ночью вампира, его не то что не казнят, ему даже плохого слова не скажут. Это не считается преступлением. Вампиры, оборотни и прочие существа существуют как бы отдельно от города, хотя и рядом с ним. Все стараются даже не упоминать о них в обычной жизни, пока дело не касается убийств и прочих преступлений. Тут уж на бедных изгоев падают все подозрения и обвинения. Хотя такие ли они бедные и ни в чем не виноватые?

– ... Просто... я не хочу быть изгоем, как другие! – неожиданно зло закончила она.

– Это понятно, – протянул я. – Если вы не против, то будьте моей гостьей. Пока вам нужно, вы можете оставаться здесь, – подмигнул я ей.

– Не стоит, – неожиданно твердо сказала прекрасная незнакомка. – Если вы не возражаете, я лучше пойду.

Я насмешливо посмотрел на нее.

– И как же Вы пройдете мимо меня?

Вдруг внизу слышались шаги, и звучный голос тетушки прокричал:

– Зак, ты уже дома?!

– Дома! – крикнул я, на секунду отвернувшись от девушки.

Когда я повернулся, ее уже не было на кровати. А точнее, ее не было в комнате. Единственное, что напоминало об очаровательной гостье – это открытое окно и арбалет в моей руке. Я пожал плечами и пошел обрадовать тетю новостью.

Я поступил в Академию!

Действие 4

Самое удивительное, что тетя не проявила никакого оптимизма, узнав такую прекрасную новость. «Я рада» – ответила она, одарив меня ледяным взглядом, и ушла в свою комнату. Девочки же и вовсе не обратили внимания на такие хорошие новости, из вредности, наверное. Так я и сидел дома, радуясь за себя любимого, потому что больше радоваться за меня было просто не кому.

Я был слегка обижен. Что же это такое? Я поступил учиться в самое престижное учебное заведение во всем мире, а всем на это как-то наплевать. Я уж не говорю про девушек, которые стреляют в меня из арбалетов в собственной комнате, а потом, даже не сказав до свиданья, исчезают. Можно подумать я такой страшный.

С такими мыслями я быстро разобиделся до такой степени, что наплевал на всё и всех, и лег спать. Вернее попытался лечь спать, потому что, едва я положил свою многострадальную голову на подушку, как в закрытое окно ударил камешек. Если быть честным, то это был не камешек, а целый булыжник. Когда он ударил в окошко, оно так зазвенело, будто разлетелось вдребезги. Этого, конечно, быть не могло, потому что стекла в нашем доме были укреплены заклинаниями Ремесленников, и разбить их было не так-то просто.

Я опасливо приоткрыл окно и выглянул наружу. На ули-

це уже было весьма темно, но в тени дома я все же заметил знакомую мне фигуру.

– Чез, ты чтоль? – шепотом спросил я.

Фигура вышла из тени на свет от ближайшего фонаря.

– Нет, другой придурок, которому делать больше нечего, кроме как стоять под твоими окнами, – громко ответила фигура голосом Чеза. – Хочешь, я тебе серенаду спою, или стихи о любви почитаю?

– Какого дракона?! – так же громко спросил я. – Ты бы еще побольше камешек выбрал, у меня до сих пор в ушах звенит.

– Ну, извини, – без тени сожаления ответил Чез. – Только это не камень, это ботинок мой. Тут у тебя не то что камней, даже пыли нет. Вот что значит жить в самом центре, – с легкой завистью добавил он.

– Подумаешь, – прокряхтел я, вылезая через окно. – Зато из дома после восьми не ногой. Вот заметят, что я ушел, тут же весь город прочешут, но меня найдут. Так что нечего кричать.

Чез поспешно отступил в тень и действительно замолчал. Удивительно.

Спустившись и отряхнув руки, скорее по привычке, нежели действительно отряхиваясь, я на цыпочках прошел под окнами и присоединился к Чезу. Должен сказать, что в центре не просто найти грязь, за чистотой улиц следят специальные заклинания, разработанные факультетом земли.

– Ну что, – наконец спросил я, – Поступил?

Чез, по всей видимости, хотел некоторое время сохранять загадочный вид, но у него ничего не получилось, и он радостно улыбнулся.

– В легкую. Как нечего делать.

Нечто подобное, я и предполагал.

– Поздравляю, – сказал я, пожимая ему руку. – Я не сомневался. Теперь будешь познавать непознанное, изучать не изученное и все такое.

– Ага, – все так же улыбаясь, ответил Чез. – Я до сих пор поверить не могу. Ты бы видел лица этих Ремесленников, когда я сказал, что во второй раз прохожу испытание. Пойдем в клуб, там сейчас празднуют все, кто поступил в Академию, я тебе по пути все расскажу.

Я согласно кивнул и мы, осторожно прошмыгнув мимо окон моего дома, двинулись по улице в сторону клуба «Золотой полумесяц».

В этом клубе обычно собирались... да кто там только не собирался. Благо огромное здание позволяло вместить всех желающих, коих было достаточно много, но не слишком, потому что цены в клубе были далеко не маленькими. Средний житель города даже пиво себе бы не смог в нем купить, не говоря уж об ужине на две и более персон.

Клуб, как и прочие здания в центре города, был практически полностью сделан из золота (или, по крайней мере, покрыт им). Формой своей клуб напоминал полумесяц... ну,

если и не полумесяц, то уж букву «с» точно. Вход располагался как раз в центре, с внутренней стороны изгиба. Еще одна особенность клуба состояла в том, что это чуть ли не единственное здание во всем городе, состоящее из одного этажа. Дома Великих семей состояли из трех-пяти этажей, а уж в трущобах и вовсе стояли здания по пять – десять этажей, в которых ютились десятки далеко не маленьких семей. Экономия места, понимаете ли.

Едва мы вышли из двора моего дома, нам на глаза стали попадаться патрули стражников, которые в этот день патрулировали особенно ретиво. Всех подозрительных по их мнению людей они тут же останавливали, обыскивали и, если что не так, отправляли в местные тюрьмы для дальнейшего разбирательства. Такие уж порядки – сначала тюрьма, потом разбирательства. Раньше было по-другому, но после покушения на Императора стража будто с цепи сорвалась. По городу прокатилась волна облав, патрули усилились, и стража стала гораздо придирчивей, чем раньше. Правда, нам все это не грозило. Едва завидев мой золотой (правда, слегка помятый) костюм Великого Дома, стражники моментально теряли всякий интерес к моей персоне. Кто захочет иметь проблемы с Великими Домами?

Пройдя пару улиц, мы вышли к зданию клуба «Золотой полумесяц». У входа уже толпился народ, причем весьма солидный народ. Тут были и самые известные деятели культуры, и купцы, и представители Великих Домов. Я невольно

вздохнул, представив, сколько придется стоять в очереди, но вопреки моим опасениям, мы пошли не к главному входу. Рядом с главным входом была неприметная дверь, я и раньше ее замечал, но обычно она была закрыта. Теперь же рядом с ней стоял представитель Академии и, что удивительно, никто не пытался в нее пройти. Даже высокомерные представители Великих Домов терпеливо стояли в очереди, не пытаясь просочиться через открытую дверь рядом.

Проследив за моим удивленным взглядом, Чез объяснил.

– Это вход для поступивших в Академию. Не поверишь, но для нас заказан отдельный зал.

Действительно, поверить трудно, ведь даже я себе мог позволить заказать один столик на двоих из условия, что перед этим подкоплю денег... за пару тройку месяцев. Да я и сам-то был тут только раз, когда заработал свою первую ступень в Искусстве, что характерно, я ничего не платил и почти ничего не ел.

– Да уж, – неопределенно высказался я.

– Только спокойно, – шепнул мне Чез, когда мы направились к входу для поступивших. – Если тебя спросят, то ты поступивший. И вообще, говорить буду я.

Человек, стоящий у входа для поступивших был одет в темно-синие одежды, что говорило о его принадлежности к лучшим ученикам старших курсов Академии. Первым подошел Чез и, назвав свое имя, кивнул в мою сторону.

– Это со мной.

– Сожалею, но этот вход только для поступивших.

Я подошел поближе, чтобы лучше видеть говорившего.

– А, привет Зак.

Я присмотрелся и узнал в старшем ученике своего знакомого – Ника.

– Привет, – радостно поприветствовал я его. – А ты не отдыхаешь, я смотрю.

– Поверь, для меня все это отдых, – заверил меня Ник, а потом шепотом добавил. – Это твой последний свободный вечер перед тяжелыми месяцами в Академии, так что насладись им как следует.

Я хотел, было, спросить, что он имеет ввиду, но тут нетерпеливый Чез дернул меня за рукав, и мы ввалились в Главный зал клуба «Золотой полумесяц». Не просто главный, а Главный. Разница огромна. Я не бывал в приемной Императора, но, наверное, даже она уступает по размерам и роскоши этому залу. Невероятный по длине стол располагался в центре зала, а по его углам находились небольшие столы скромных размеров, человек на пятьдесят каждый. Стены, покрытые золотом и камнями, прямо таки светились, отражая свет ламп.

Мы с Чезом раскрыли рты и уставились на все то великолепие, что открылось нашим глазам. На блюдах было столько еды, что я едва не подавился слюной, вспомнив, что не ел ничего, кроме скудного завтрака и трех пирожков. Все столы были практически полностью заняты, но народ все приби-

вал, и многим присутствующим ничего не оставалось, кроме как стоять у стен. Некоторые люди были мне знакомы, например моя тетя, неизвестно как опередившая нас с Чезом. Слава богам, она нас пока что не заметила.

Многие лица казались мне знакомыми, но мое внимание было сразу обращено к столу, стоящему в дальнем углу, потому что именно там сидели Ремесленники. Причем исключительно Высшие Ремесленники в серых ливреях и Учителя в красных (отличительной особенностью Ремесленников Учителей были черные пояса). Среди высших Ремесленников сидел и мой дядя.

– Ну, ты даешь, – опомнившись, пихнул меня в бок локтем Чез. – С лучшими учениками чуть ли не за руку здороваешься. Что дальше, может, с Высшими Ремесленниками чай пить будешь?

У меня чуть не вырвался невольный смешок. А ведь я и вправду пил чай с Ромиусом, когда мы сидели у него в кабинете, и он действительно Высший Ремесленник. Как жаль, что я не могу поразить Чеза, ведь мы с Ромиусом договорились, что я буду молчать о нашей беседе.

– Не преувеличивай, это просто старый знакомый, – ответил я. – И куда нам садиться?

– Да куда угодно, – махнул ругой мой друг. – Пока что это не имеет значения. Только в конце вечера тут останутся исключительно поступившие, чтобы заслушать приветственную речь Главы Академии.

– А что, здесь сидит Глава Академии? – удивленно спросил я, оглядывая зал.

Чез посмотрел на меня как на идиота.

– Ты что? Нет, конечно, делать ему больше нечего. Просто он зайдет в конце вечера на пару минут, чтобы сказать речь. А сидеть здесь... можно подумать у него нет дел поважнее.

Чез говорил таким тоном, будто Глава Академии вовсе даже не человек из плоти и крови, а бог какой-то.

Тут мой блуждающий взгляд очень некстати наткнулся на Лиз. Я быстро сделал вид, что не заметил ее, но было слишком поздно, она поймала мой взгляд и помахала мне рукой.

– Эй, ребята!

– Тфу, дракон ее задери, – вырвалось у меня.

– Э, да нас заметили, – раздосадовано произнес Чез. – Сейчас мы услышим о том, как хорошо быть Ремесленником, и как жаль, что ты не прошел испытания. Бывают же в природе такие занозы, как она.

Мы направились к длинному столу, за которым расположились Лиз и ее подружка.

– Мне искренне жаль твою детскую психику, – шепнул мне Чез. – Если захочешь кого-нибудь побить, то потерпи хотя бы пару часов, должен же я успеть попробовать всю ту еду, что тут раздают на халяву до того, как нас выгонят отсюда взащей.

– Угу, – ответил я, тоже чувствуя нечто сродни досаде.

Мы подошли к веселой компании и поприветствовали

всех единодушным: «Чтоб вы все сдохли». В слух мы этого, конечно, не сказали, но это было явственно написано на наших лицах.

– Здравствуйте дорогие мои, – до нелепого счастливым тоном пропел Чез. – И почему же такие красивые девушки сидят в одиночестве?

«Потому что дуры!», чуть не вырвалось у меня.

– Да вот, наши кавалеры пошли поздороваться с лучшими учениками, сидящими в другом зале, – ответила за Лиз.

– Какая прелесть, – похлопал в ладоши Чез, изобразив ну совершенно нелепо-восторженную физиономию.

Лиз перевела взгляд на меня.

– А как это ты так быстро очередь прошел? – спросила она, слегка сузив глаза.

– Я тоже рад тебя видеть, душа моя, – через силу улыбнулся я.

– Я слышала, что вы тоже поступили в Академию, – сказала одна из подруг Лиз, усиленно строя глазки Чезу. Что удивительно, тот даже слегка смутился.

– Ага, – сказал он и (о чудо!) покраснел.

В принципе, я его понимаю, подруга была очень даже ничего: рыженькая, курносенькая и, что самое удивительное, с лукавыми и весьма умными глазами. Встретить такую девушку в компании Лиз было само по себе чудом, и Чез явно решил не упускать свой шанс продолжить общение с этим самым чудом.

– Мы с вами еще не знакомы, – произнес он, галантно целуя ее руку.

Я сразу почувствовал, что я здесь лишний. Но Лиз явно не была столь же проницательна, как я.

– Это Натали, – встряла она. – Дочь Александрия Митиса, нового младшего советника Его Императорства.

Эй! Да девушка явно выше по происхождению, чем я! Чего уж говорить о Чезе, семья которого всего лишь является владельцем порта в Меск-Дейне, пусть и единственного в Империи Элиров. Ах да, еще несколько мясных лавок в Лите. Но все это не давало Чезу никакого преимущества среди выходцев Высших Домов, ведь дело было вовсе не в богатстве. Происхождение... вот что действительно важно!

– Очарован, – сказал Чез неотрывно глядя в голубые глаза Натали. Та смущенно опустила взгляд и покраснела.

Хмм, если девушка ее положения еще не разучилась краснеть, значит, она действительно заслуживает внимания.

– А ты Зак? – вновь обратила свой взор на меня Лиз. – Какие у тебя планы на будущее?

– Постричься и пойти в монастырь, – выдал я заранее заготовленный ответ.

– Я серьезно, – не отставала Лиз. – Чем ты собираешься заняться в жизни? Что ты можешь, кроме своей музыки?

Я начал злиться. Вот музыку лучше не трогайте, музыка – это святое.

– Мне кажется, что это не твоего ума дело, – как можно

спокойнее ответил я.

Я терпеть не могу, когда кто-нибудь нелестно отзывается о музыке, тем более о моей, и, уж конечно, Лиз это знает, и сказала это нарочно. Вот только зачем?

Я взял себя в руки и улыбнулся.

– А ты Лиз? Чем собираешься заняться ты?

– Я посвящу себя своему любимому мужу, – ответила она.

– Хмм, видимо, это потому, что ты толком ничему дельному так и не научилась? – не долго думая, ляпнул я, невольно порадовавшись такому удачному ответу.

Лиз начала закипать, но буря миновала – из толпы вышли несколько человек и направились к нам. Видимо, именно эти молодые люди ходили расшаркиваться со старшими учениками.

Все трое в золотых фраках. Ох уж эта мода...

– Здравствуй любовь моя, – произнес самый тощий из них, подходя к Лиз.

Мы с Чезом обменялись удивленными взглядами – «И это пугало ее будущий жених?».

Но тут нам все сразу стало понятно.

– Познакомьтесь, – гордо произнесла Лиз, обнимая за плечи тщедушного паренька. – Это брат Натали, Энжел Митис.

Тогда понятно, почему она встречается с ним, и почему такая очаровательная дама, как Натали, сидит в таком обществе.

– Это Найджел и Ленс – друзья Энжела и адепты Акаде-

мии.

Мы с Чезом одновременно кивнули в знак приветствия.

– А это Зак и Чез, – кивнула на нас Лиз. – Я вам о них рассказывала.

– Надеюсь только правду? – спросил Чез, бросая взгляды на Натали, к которой подошел широкоплечий и светловолосый Ленс. Вернее, он казался широкоплечим рядом со мной, так же как я казался широкоплечим рядом с Энжелом, но рядом с Чезом он как-то блек. Не помогал даже золотой фрак Великого Дома, Чез-то был в серебряном (цвете богатых семей).

– Очень приятно, – произнес за всех троих худенький Энжел, хотя выражение его лица говорило об обратном.

– Что-то вы слегка помяты, – заметил Ленс, безразлично глядя на мой и вправду слегка неряшливый наряд. – Через чердак лезли?

Я оставил его реплику без внимания.

– У нас с Чезом дела...

– Я с вами разговариваю! – повысил голос Ленс.

Чез удивленно отвлёкся от созерцания Натали, и покосился на светловолосого великана.

– Зак, ты что-нибудь слышал? – изобразил он удивление.

– Нет, а ты? – зевнул я.

– И я нет, – ответил он, подмигнув Натали. Та опять зарделась и опустила глаза.

– Да что с ними говорить, – нарочито громко произнес

Энжел. – Они не из нашего круга общения.

– Да куда уж нам убогим, – протянул я.

– Спокойно, – произнес, до этого молчавший, смурной Найджел. – Если хотите что-либо выяснить, то выясняйте это на улице.

– Хоть прямо сейчас, – подтвердил я.

Ленс, было, дернулся, но его взял за плечо Энжел.

– Забудь о них. Просто один из них бесится, что его не взяли в Академию, а другой даже не голубых кровей, он вообще здесь никто.

Тут уже мне пришлось удерживать Чеза.

– Спокойно, – шепнул я ему. – Торопиться некуда, еще успеется. У тебя впереди ни один год учебы в Академии

Чез расслабился и вновь ухмыльнулся.

– Знаете, ребята, я бы на вашем месте не хвастался своим происхождением. Такие как вы только позорят его, да и, судя по вам... вырождается императорский род.

Мне показалось, что еще минута и Ленса уже никто не удержит, но тут к нам подошли два человека, и все внимание мигом перешло на них. Это был Ремесленник в красной ливрее с удивительно длинным носом и неизвестно как ухитрившийся отойти незамеченным уже знакомый нам Найджел.

– Что тут происходит? – спросил его спутник.

– Общаемся, – сквозь зубы произнес Ланс, сверля глазами Чеза, продолжающего нагло строить глазки Натали.

Ремесленник повернулся ко мне и Чезу.

– Я бы попросил вас сесть куда-нибудь в другое место.

– С радостью, – тут же ответил я и, схватив Чеза за руку, ретировался.

Идя через зал к столу, стоящему в противоположном и самом дальнем углу, сопровождаемые насмешливыми взглядами, мы не проронили ни слова. Лишь когда мы, наконец, уселись за стол, рядом с какими-то едва ли не спящими стариками, Чез наконец произнес.

– Ты видел?

– Угу, – кивнул я. – Нас слегка опустили... или мы их слегка опустили.

– Да нет же, ты видел Натали? Она... она...

– Э, да ты совсем плохой стал, – повернулся к нему я. – У тебя же есть девушка.

– Девушка? – удивился он.

– Ну да, – ты же утром с ней ко мне подходил.

– Ну, ты даешь, – рассмеялся он. – Я же тебе ее привел, чтобы приятное сделать.

– Чего?!

– Ну, ты... такой подавленный был, вот я тебе и привел девушку. Ты что, не видел, как она тебе глазки строила? – спросил он.

– Какие глазки с утра?! – воскликнул я. – Да я даже не помню, как она выглядела. Ты мне ее сейчас покажи, я ее не узнаю.

– Неизлечим... – покачал головой Чез и, наконец, заметил на столе еду. – Эй! Да тут же гусик печеный!

Тут уже покачал головой я. Если Чез заметил пищу, то на некоторое время он из жизни выпал и говорить с ним бесполезно. Однако я и сам был не прочь поесть и отдался поглощению пищи с не меньшим удовольствием, чем он.

Насытился я быстро и, сыто откинувшись на стуле, принялся беззастенчиво рассматривать гостей. Что и говорить, гостей было не мало. В основном девушки и юноши моего возраста, но встречались и более солидные дамы и господа из Высших Домов. Ремесленники сидели отдельно, а старших учеников и вовсе в этом зале не наблюдалось – они сидели в соседнем зале поменьше. Какие только наряды тут не встречались... в большинстве своем, естественно, они изобиловали оттенками золотого цвета Высших Домов и красными цветами Ремесленников. Но так же встречались и коричневые цвета костюмов купцов, и серебряные – богатых семей, таких как семья Чеза. Царила веселая болтовня, смех, и кое-где уже начали танцевать, благо места хватало.

Мой взгляд, неторопливо гуляя по лицам в толпе, очень некстати уткнулся в тетю. Она стояла в окружении каких-то важных особ и смотрела на меня очень недобрый взглядом. Заметив, что я ее увидел, она поманила меня пальцем. Знакомый мне ледяной взгляд не предвещал ничего хорошего...

Я толкнул Чеза, кивнул ему в сторону тети, провел себе по шее пальцем, показывая, что ничего хорошего от нее не

жди, и, с трудом поднявшись со стула, побрел к ней.

– Здравствуй тетя, – тихо сказал я, подходя к ней.

– Позвольте представить, это мой племянник Закери, – ледяным тоном обратилась она к окружающим ее людям.

Я молча кивнул в знак приветствия.

– Что же ты тут делаешь? – спросила она меня.

– Как это что? Я принят в Академию, – сделал попытку улыбнуться я. – У меня сегодня принятие.

– И не стыдно тебе? – неожиданно громким и визгливым голосом спросила тетя. – Не надоело еще врать?

Я съежился под ее взглядом, пытаюсь понять, с чего она так разозлилась. Я вообще впервые видел ее настолько взбешенной.

– Я... я не вру, – тихо сказал я. – Вы не имеете основания так говорить.

Народ вокруг тети сам собой разошелся, поняв, что сейчас меня будут за что-то пилить, а влезать в семейные ссоры Высших Домов себе дороже будет.

Так вот почему он так спокойно отреагировала, когда я сказал, что я поступил в Академию. Она просто не поверила. Но почему?

– Что тут происходит? – спросил ровный голос у меня из-за спины.

Я повернулся, уже зная, кого сейчас увижу. Ромиус с кислой миной стоял за моей спиной и играл в гляделки с тетей.

– Ромиус, давно не виделись, – вызывающе произнесла те-

тя, временно забыв обо мне. – Чего это ты вдруг решил подойти к нам?

Я удивился. С чего это они так разговаривают? Когда я говорил с Ромиусом, он не упоминал о плохих отношениях с тетей. Скорее наоборот, он неоднократно хвалил ее...

– Я просто услышал, что ты беспричинно понукаешь мальчика, и решил вмешаться.

Я был так удивлен, что даже спокойно проглотил «мальчика».

– Ты прекрасно знаешь, что он не может стать...

– Может, – перебил тетю Ромиус. – И не стоит говорить об этом при мальчике.

Под удивленным взглядом тети, он взял меня за плечо и отвел в сторону.

– Не обращай внимания, с тетей я сейчас поговорю, а ты иди, развлекайся, – сказал он, почему-то пряча глаза.

– Но почему она... – начал, было, я.

– Потом, все потом, – ответил Ромиус, и вернулся к стоящей у стены тете.

Я еще немного постоял, пытаюсь прийти в себя, и пошел обратно к Чезу. Но, подойдя к столу, за которым его оставил, я с удивлением застал на наших местах совершенно других людей. Видимо, Чез куда-то уже успел смыться. Мне ничего не оставалось, кроме как занять свободное место у стенки. Только встав туда, я понял, почему оно не занято. Весь обзор закрывал огромный зеленый фикус. Вздохнув, я устало

облокотился на стену и, закрыв глаза, попытался собраться с мыслями. Мешал мне в этом только постоянный гул голосов, но с ним я, к сожалению, ничего поделать не мог.

Неожиданно гул стих. Сначала мне показалось, что мне это просто чудится, но, слегка обождав, я понял, что и вправду все голоса стихли. Выглянув из-за фикуса, я увидел тихо стоящих и сидящих людей. В зале царило гробовое молчание.

Оттуда, где я стоял, был отлично виден вход в зал, через который прошли я и Чез. И так же мне было отчетливо видно, как через этот вход прошла фигура в белом платье. Все люди молча смотрели на вошедшую, и даже Ремесленники не проронили до сих пор ни слова. Конечно же, я понятия не имел в чем дело, и не знал, кто это вошел. Спрашивать у кого-то мне казалось неуместным, потому что мой тихий вопрос прогремел бы в зале, как выстрел из пушки.

Фигура в белом величественно прошла по залу и, что удивительно, направилась в мою сторону. Хотя, конечно же, углядеть такого неприметного человека, как я да еще за фикусом и с такого расстояния она не могла. Видимо, просто ей захотелось пойти именно в этом направлении. Так или иначе, она шла по залу, а за ее спиной началось движение и шепот. Люди наконец-то начали отмирать и о чем-то тихо шептаться. Чем ближе ко мне подходила фигура, тем приятней и соблазнительней обрисовывались под платьем ее формы, и тем громче становился шепот в зале. Когда она прошла по-

ловину зала, я уже понял, что это невероятно стройная девушка. Лицо ее было прикрыто легкой, но в то же время почти непрозрачной вуалью. Гул в зале становился все громче.

Наконец, девушка дошла до стола, стоящего в паре метров от меня, и грациозно села на стул, с таким изяществом, как будто это был вовсе даже и не стул, а трон. Толпа опять пришла в движение, и все возобновили разговоры, периодически бросая косые взгляды на девушку в белом. Я так и стоял, пытаюсь разглядеть через вуаль, закрывающую лицо, хоть что-нибудь. Но долго мучиться мне не пришлось, потому что вскоре девушка сама откинула ее, и я увидел невероятно красивое лицо. Самое красивое, лицо, которое я видел когда-либо в жизни. Лицо девушки-вампира, только сегодня побывавшей в моей комнате.

Действие 5

Я так и стоял бы, глядя на нее во все глаза, но ко мне подошел Чез, держащий под руку Натали, и пришлось отвлечься. – Что хмуримся? – спросил сияющий Чез.

– Сам не знаю, – ответил я. – Пришел сюда с другом, но он куда-то нагло смылся. Ты его не видел? Такой нагловатый, рыжий, слегка полоумный...

Натали рассмеялась и выжидательно посмотрела на Чеза. Что же он ответит?

Ничего ответить Чез не успел, потому что к нам подошел мой дядя.

– Закери, мне необходимо с тобой поговорить, – слегка напряженно сказал он, а потом, кинув взгляд на Чеза с Натали, добавил. – Извините молодые люди, но наедине.

Вид его серой мантии настолько поразил Чеза, что он даже не сразу понял, что Высший Ремесленник обращается к нему.

– А... ну да, – пробормотал он и, кинув очередной удивленный взгляд в мою сторону, исчез вместе с Натали в толпе.

Ромиус проследил взглядом за удалившейся парочкой и повернулся ко мне.

– Я должен с тобой кое-что обсудить, это касается меня и моей сестры, а теперь коснулось и тебя. Ты, наверное, заметил, что твое поступление в Академию не очень-то ее об-

радовало. Так вот, на самом деле это только вершина горы. Я тебе сейчас поведаю коротенькую историю, но она должна остаться сугубо между нами и если что, то ты ее не слышал.

Я не очень понял, при чем тут горы, но дядя меня заинтриговал. Вот только при таком скоплении народа, о каком сугубо личном разговоре может идти речь?

Проследив мой, невольно кинутый на окружающую толпу, взгляд, Ромиус махнул рукой.

– Этот разговор кроме меня и тебя никто не услышит, остальные будут слышать простые придворные расшаркивания, я же все-таки Ремесленник, – неожиданно улыбнулся он, – и кое-чему за свой век научился.

– Хорошо, дядя, а если кто-нибудь умеет читать по губам?

Тут он слегка смутился (Высший Ремесленник?!).

– Об этом я не подумал. Но будем надеяться, что никому кроме тебя это в голову не придет. В общем, слушай, – Ромиус слегка нахмурился, собираясь с мыслями. – Ты, конечно, знаешь, что твоя семья далеко не последняя в списке претендентов на Императорский трон. Если быть точнее, то она в этом списке третья. Наш Император, конечно, покидать суетный мир в ближайшие сто лет не собирался, но сейчас наступает весьма смутное время...

– Смутное?! – не выдержав, воскликнул я.

Мне-то казалось, что именно сейчас наступил расцвет цивилизации. Последние войны закончились три сотни лет назад, единственный настоящий враг Империи Элиров Шатер-

ский Халифат тоже вроде бы давно голоса не подавал. А прочие враги находятся столь далеко, что им до нас так просто и не добраться. Есть еще вампиры... но эти, по большому счету, затихли сразу после распада Царства Миир.

Конечно, наш город, как и вся Империя, не идеально спокойное место, но чтобы что-то могло угрожать Императору?! Это просто смешно. Может, мой дядя умом тронулся?

– Тебе этого знать неоткуда, – продолжил Ромиус, – но не забывай, что среди Ремесленников есть весьма неплохие предсказатели и, хотя не многие верят предсказаниям, факты указывают на то, что стоит, если не безоговорочно верить, то хотя бы прислушиваться к ним. Так вот, уже несколько месяцев подряд ото всех наших предсказателей мы слышим одно и то же: скоро будет война, причем война внутренняя. Именно так они и говорили «внутренняя». Но ты этим голову можешь пока не забивать, пойми одно – есть немалая вероятность того, что скоро Император сменится. И если это произойдет в ближайшие годы, то самым ближайшим претендентом являешься ты.

Я впал в ступор. Я, Император?! Но это же бред! Наша семья всего лишь третья в списке, куда же дели остальные две?

Последний вопрос я задал вслух.

– Тут все довольно просто объясняется, – усмехнулся Ромиус. – Если бы ты хоть немного времени посвятил изучению геральдики, то знал бы, что Императором может стать

только взрослый человек, мужского пола, не связанный узами брака. А третьим в списке стоишь не именно ты, а семья Никерсов. Так уж вышло, что в первых двух семьях на данный момент нет ни одного человека, подходящего под все эти пункты, а в нашей семье таких только двое: ты и я. Но, к моей радости, есть еще один пункт: ремесленник, так же, не может стать правителем. Прежде всего, потому что это даст ему слишком много власти... и еще по множеству причин, в том числе нравственных, которые ты все равно не поймешь, пока не станешь Ремесленником.

До меня неожиданно дошло, что, поступив в Академию, я отказался от всех претезаний на трон. От этого мне сразу стало намного легче. Я, и на троне? Да вся страна по миру пойдет раньше, чем я подпишу свой первый указ. Однако, как жаль, что Лиза не сечет в политических делах так, как мой дядя, она бы себе локти кусала до конца своих дней. Променять Императора, на какого-то Ремесленника.

– Теперь ты должен понять, почему тетя Элиза, скажем так, слегка недовольна твоим поступлением, – продолжал Ромиус. – Она хороший человек, но ее амбиции, ее стремление возвыситься над другими, слишком велики. К сожалению, это результат воспитания... Из-за этого мы с ней и не ладили в последнее время, хотя я ее и уважаю, и люблю...

– И теперь я испортил тете все планы, – пробормотал я. – Мне жаль, но Император из меня все равно бы не вышел, при всем тетином и даже моем желании.

– Ты зря так думаешь. На самом деле всему, что нужно знать императору, тебя обучали с самого детства, просто ты на это не обращал внимания, да и сейчас не обращаешь. Экономика, политика, история, даже твои занятия Искусством – все это тонко спланированная тетей образовательная система. Не удивляйся, она предусмотрела все, единственное, чего она не предусмотрела – это твое поступление в Академию. На самом деле, у тебя слишком низкие способности, и если бы не то, что произошло на испытании, ты бы не попал в Академию. Не обижайся, конечно, но факты есть факты.

– Чего уж тут обижаться? Я всегда это знал, – слегка натянуто ответил я. – Это выходит, что тетя использовала меня всю жизнь? Лепила, желая получить идеального монарха?

Ромиус слегка смутился.

– Не совсем... Она считает, что делает это для тебя и очень любит. Просто у каждого свое понятие о счастье...

– А как насчет понятия о том, что человек не может быть счастливым насильно? Даже если это не физическое насилие, а насилие над личностью?! – вскипел я.

– Тут уж я ничем не могу помочь. Это останется на совести твоей тети и на твоей. Одно могу сказать точно – она тебя любит и все делает только для тебя. Даже ее желание возвыситься не что иное, кроме как средство, с помощью которого она хочет сделать тебя счастливым.

Я слегка успокоился. Тетя, конечно, не идеальна, но она же меня любит.

– Ну ладно, с этим я более или менее разобрался, но ведь это не все, что вы хотели мне сказать? – спросил я дядю.

В его темных, похожих на мои, глазах проскользнуло некоторое одобрение.

– Нет, не все. Я должен дать тебе возможность выбора – в Академию ты официально еще не записан и, если захочешь, ты можешь спокойно в конце вечера удалиться из зала со всеми гостями. Никто кроме Высших Ремесленников и нескольких учеников не знает, что ты зачислен, и никто ничего не скажет, если ты уйдешь. Может быть, ты когда-нибудь и станешь нашим Императором, а может быть, ты сможешь стать Ремесленником. Но должен предупредить: и то и другое маловероятно. Предсказания весьма расплывчаты, да и многое может измениться в политической обстановке. А что касается Академии... в Академии мы можем так и не понять, почему у тебя случился сенситивный шок, и ты по прошествии некоторого времени будешь вынужден покинуть ее стены, потому что не сможешь освоить дисциплины более высокого уровня.

Ромиус замолчал и стал внимательно изучать мое лицо, в ожидании ответа. Как я предполагаю, на моем лице читалась некоторая внутренняя борьба и неуверенность, но не потому, что я не знал, что именно выбрать, а скорее из-за отсутствия возможности отказаться и от того и от другого.

– Что сказать, я не привык идти на попятную, и если у меня есть хоть какой-то шанс стать Императором... – я под-

нял глаза на дядю. – То лучше смыться поскорее. Уж лучше я попробую стать Ремесленником.

Дядя улыбнулся и неожиданно обнял меня.

– Я рад, что ты так решил. Я думаю, что у нас все получится, и мы сможем разобраться с твоим феноменом.

Что такое «феномен» я даже спрашивать не стал. Все равно не скажет, а то и разочаруется во мне нафиг.

– И я надеюсь, – улыбнулся я.

– Я должен поговорить с твоей тетей и добавить тебя в списки, так что развлекайся и не забудь, что когда наступит время ухода всех посторонних, ты остаешься со всеми поступившими адептами.

Я радостно кивнул и неожиданно вспомнил вопрос, который я хотел задать, но слегка отвлекся из-за навалившегося на меня «счастья».

– А... Ромиус, один вопрос...

– Да?

– А что это за девушка в белом, которую тут все так «любят». Когда она вошла, все сразу замолчали, как будто она прокаженная.

– Ты почти угадал. Она же вампир!

– Ну, это-то я заметил, я же не слепой, – перебил я.

– Хватит перебивать! – неожиданно погрозил мне пальцем Ромиус, и я тут же вспомнил, что он не только мой дядя, но и Высший Ремесленник. – Она единственный за все время существования Академии вампир, прошедший все испы-

тания. А если точнее, то она единственный вампир, который вообще когда-либо проходил эти треклятые испытания.

Об этом я тоже, в общем-то, догадался по разговорам.

– Ага, – протянул я. – И поэтому ее так все «любят»?

– Любят? Не то слово. Просто обожают. Если честно, то на нее уже было три покушения. Только ты об этом не слышал, потому что все, кто на нее покушался, найдены мертвыми. Я-то уж знаю, я их сам нашел, и сам подослал, – увидев мое смятение, он добавил. – Шучу, шучу. Ладно, я пошел, и так с тобой заговорился, да и друзья твои, я смотрю, по тебе уже скучают.

Я проследил за взглядом Ромиуса и увидел Чеза, стоящего в паре десятков метров все с той же Натали, и бросающего на меня обеспокоенные взгляды.

– До встречи, дядя. И спасибо тебе, – произнес я в след Ромиусу, впервые обратившись к своему дяде на ты.

Едва Великий Ремесленник отошел на несколько шагов, как ко мне подлетел Чез.

– Что он тебе говорил?!

Ну что тут сказать, что я только что отказался от призрачного трона? Или, может быть, что я недоделанный адепт Академии?

– Да так... Музыка моя понравилась, – задумчиво ответил я.

– А чего он так бесился?

– Бесился? – удивленно переспросил я.

– Ну да, как он на тебя гаркнул.

А, так вот он о чем. Это он, наверное, наблюдал, как Ромиус велел мне не перебивать. Оно понятно, кому же позволено перебивать Великого Ремесленника? Конечно, со стороны это, наверное, смотрелось довольно жестко.

– Да ничего, просто я его случайно перебил, – честно ответил я.

– Перебил Высшего Ремесленника?! Тебе что, жить надоело?

– Да успокойся ты. А где твоя лубоф? – решил я по быстрому сменить тему.

– Какая такая любовь? – неожиданно смутился Чез. – Ты о чем?

– Да ладно тебе, что это ты с Натали под ручку тут расхаживал?

– Так ведь жалко девочку было в такой гнусной компании оставлять, испортят ее там, как пить дать.

Тут я вынужден был согласиться. И как я смог встречаться с Лиз целый месяц? Ума не приложу.

– Слушай, а ты видел девушку в белом? – спросил я, вертя головой, пытаюсь высмотреть ее прекрасные белые одежды.

Чез не ответил.

Я повернулся, чтобы понять, почему он молчит. Чез выжидательно уставился на меня.

– Ты чего?

Чез еще немного помолчал, а потом ответил.

– Да вот, думаю, а знал ли я тебя вообще? Вот, кажется, знаешь человека, а тут выясняется, что это вовсе и не так.

– Не понял.

– Мне казалось, что ты никогда особенно Академией не интересовался, а тут вдруг выясняется, что ты знаком с лучшими учениками старших курсов, разговариваешь с Великими Ремесленниками. Чего я еще не знаю?

Я никак не мог придумать, что ответить. В чем-то он конечно прав, но ведь все им перечисленное случилось только сегодня. Этот день вообще какой-то сумасшедший. И, кстати, он до сих пор не знает, о том, что я тоже поступил в Академию. Мой разговор с Ником у входа он, видимо, благополучно пропустил мимо ушей.

– Ну, я не знаю, как тебе это объяснить...

– Ну, хоть как-нибудь.

– В общем, меня приняли в Академию.

Я говорил, что сегодня явно самый удивительный день?

Чез долго смеялся. Только слегка отсмеявшись, он спросил:

– Нет, а если серьезно?

Если честно, то я обиделся.

– Я совершенно серьезно.

– Тебя приняли в Академию? Да ты даже свет-то не с первого раза зажигаешь.

Я однозначно обиделся.

– Ну и что?! – взвился я. – Не всем же быть такими непри-

знанными гениями, как ты!

Чез опомнился и виновато посмотрел на меня.

– Извини. Просто с трудом верится.

– Ты уж поверь! – все еще зло сказал я.

Сказав это, я повернулся к залу и зло уставился в толпу, невольно перебегая взглядом от одного лица к другому. Я все-таки обиделся и теперь пытался хоть как-то успокоиться.

Чез положил руку мне на плечо.

– Да ладно тебе, я рад, что ты поступил, хотя до конца поверить в это пока что не могу. А вообще-то здорово, может быть, даже на одном факультете будем. Ты какой стихии отдал предпочтение, о Высший Ремесленник? – уже с сарказмом добавил он.

– Всем, – не задумываясь, ответил я. – И вообще, я, как Самый Высший Ремесленник, хотел бы найти себе подходящую девушку на вечер.

Мой друг широко ухмыльнулся.

– Узнаю старого доброго Зака. Ну, благо выбор большой. Тут и неотразимая Пети, – он показал пальцем на стройную даму, которая на вскидку была тяжелее меня раз в пять, – и добрая всепонимающая Лиз, и даже розовощекая очаровашка с длинненькими зубками. Кого выбираешь?

Он даже не подозревал, что попал прямо в цель, ведь именно к розовощекой очаровашке с длинненькими зубками я и собирался подойти. Вот только никак не мог выцепить из толпы ее белые одеяния.

– Мне пожалуйста последнее и поподробнее, – пробормотал я, скорее себе, нежели Чезу, но он услышал. Слегка гукнув, он немного нелепо похлопал глазами, а потом, опомнившись, добавил:

– Поподробнее... поподробнее пусть она тебе сама расскажет, тем более, что она сейчас стоит у тебя за спиной.

Ну конечно, так я и поверил. Хотя, исключительно на всякий случай, я все же повернулся, чтобы проверить.

– Ой... – выдал я, столкнувшись нос к носу с очаровательно белым личиком моей давешней гостьи.

– Здравствуйте Закери... хмм... Никерс, если я не ошибаюсь?

Еще бы она ошибалась.

– Он самый, – тут же влез Чез. – Перед вами гордость родителей, страсть девушек и любимец Императора нашего, великий (но скромный), сильный (но добрый), красивый (но не самовлюбленный). Ой... да что это я все о себе... Знакомьтесь, это Зак. А вы кем будете мадемуазель?

Девушка не обратила ни малейшего внимания на моего друга, а все так же вопросительно смотрела на меня.

– Э... ну да, – невольно ухмыльнулся я. – Но ведь мы уже знакомы, вот только имени вашего я так и не услышал.

Чез подозрительно посмотрел на меня, потом перевел взгляд на девушку и, пожав плечами и сказав что-то типа «злые вы, уйду я от вас», пошел в очередной раз обходить зал, в надежде найти совершенно определенную девушку

для... ну, просто чтобы найти совершенно определенную девушку.

– Да уж, нелепо все вышло. Меня зовут Алиса. Я бы хотела извиниться перед вами за то, что случилось днем. В общем, я подумала подойти и извиниться, вот...

Слегка смутившись, она осеклась и посмотрела на меня. Я стоял, и все так же нелепо ухмылялся. Через пару секунд от моего слегка очарованного мозга пошел импульс к мускулам лица и еще через каких-нибудь десять секунд, я вновь стал выглядеть как относительно нормальный человек.

– Да что вы, не каждый день в вас стреляют из арбалета. Кстати, он так и лежит у меня дома, если хотите, то можете его сегодня забрать.

Сказав это, я неожиданно понял, что ляпнул что-то совершенно глупое. И уж совсем не к месту добавил:

– Хотя, пожалуй, все же не стоит.

Болван!

– Ну ладно, – произнесла она, сделав вид, что не слышала моих слов. – Я, пожалуй, пойду, так уж вышло, что я тут персона «нон грато», и вам не следует со мной общаться. Это может слегка навредить репутации вашей семьи.

Вот о семье ей заикаться не стоило. Как только я подумал о тете и о том, сколько раз в день она мне напоминала о репутации, мною овладела злость. Похоже, все, что интересовало тетю – это только репутация, даже ее собственный племянник для нее ничего не значил, он был для нее всего лишь

игрушкой и очередной составляющей ее репутации.

Признаюсь, я и не собирался отпускать Алису, но тут в меня словно бес вселился. Очень кстати заиграла музыка и я, молча протянув руку, предложил ей потанцевать.

Естественно, она не отказалась.

Очень кстати, как я впоследствии заметил, вокруг нас было немало свободного пространства. По всей видимости, люди намеренно игнорировали мою новую подружку, и я невольно оказался в атмосфере отчуждения вместе с ней. Хотя музыка и играла, никто кроме нас танцевать не намеревался. Мы, воспользовавшись некоторой свободой передвижения, выполнили несколько танцевальных па, и неожиданно к нам начали присоединяться другие пары. Опять таки, впоследствии у меня возникло подозрение, что первой присоединившейся парой были Чез и Натали, но сказать точно уже ничего нельзя. Так мы и протанцевали некоторое время. Должен сказать, что танцевала она божественно: отдаваясь ритму, она была податлива и улавливала любое мое движение. Ее белые одежды, развиваясь, делали ее воздушной и создавали ощущение полета.

Но вот музыка закончилась, и мы молча отошли к стенке. Естественно, пространство вокруг нас тут же оказалось на удивление свободно. Хорошо, что я выбрал уже привычное мне место за фикусом, что скрывал нас хотя бы от половины любопытных взглядов.

Слегка отдышавшись, девушка произнесла:

– А вы неплохо танцуете, вот только чувство ритма вас немного подводит.

Я уже собрался разразиться речью, повествующей о том, что меня учили танцевать самые лучшие учителя столицы, но тут заметил, в ее глазах веселые искорки.

– Да, к следующему разу я постараюсь исправиться, – смиренно ответил я.

– Уж постарайтесь, – очаровательно улыбнулась она. – Вот только боюсь, его не будет. Вы не обратили внимания на взгляды, которые бросала на вас ваша тетя.

– Какая тетя? Нету у меня никакой тети. И вообще, хватит вам на вы ко мне обращаться.

Алиса пожала плечами.

– Хорошо, тем более у нас не принято обращаться на вы.

– У кого у нас? – поинтересовался я.

– У вампиров, у кого же еще. У нас все по-другому, – слегка задумчиво проговорила девушка.

Я невольно вспомнил старые легенды из детства. В них было что-то о жизни вампиров: что-то о кровном родстве, кто-то там над кем-то хозяин. Кто их там разберет...

– И каково это... быть вампиром? – неожиданно для самого себя спросил я.

Девушка пожала плечами и задала мне ответный вопрос:

– А каково быть человеком?

– Нормально, – слегка опешив, ответил я. – Человек, он и в Шатере человек.

– Вот и вампир, он и в Шатере вампир, – слегка раздраженно ответила Алиса, явно не желая продолжать эту тему.

– Понятно... – потянул я.

Разговор сам собой захлебнулся, но я не желал сдаваться и когда я уже почти нашел тему для разговора, Алиса неожиданно меня поцеловала. Просто так, ни с того ни с сего. Нет, я конечно не против, но зубки-то острые и, естественно, губу я с непривычки (я исправлюсь!) рассек. Когда она, наконец, отстранилась, я многозначительно выдал:

– Ой...

– Ты меня извини, – неожиданно нейтральным тоном (если учесть, что мы только что целовались, то это довольно странно) произнесла она. – Ничего личного, просто мне было необходимо кое-кого разозлить.

– Да ничего, – промямлил я. – Если что, всегда обращай-
тесь.

– Еще увидимся, – кинула мне девушка и неожиданно выскользнула из-за фикуса, тут же исчезнув из моего поля зрения.

Я возвел глаза к небу (в данном случае к потолку), и поинтересовался у кого-то там наверху (не на потолке, а не небе), за какие прегрешения на меня все это свалилось. Мне даже показалось, что на потолке неожиданно задвигались тени, будто поддерживая меня, или наоборот, предупреждая...

Прошло некоторое время, прежде чем я смог мыслить довольно-таки здраво. Что же это меня дернуло? Я и танце-

вать-то не очень люблю. И почему она так неожиданно ушла, оставив меня в некотором сметении чувств?

— Ну, теперь держись, — произнесла красная физиономия Чеза, появившаяся из-за фикуса. — Ты уже решил, какую смерть выберешь? Можешь смело отдаться Шатерской Инквизиции, я думаю, что по сравнению с тем, что с тобой делает тетя, их пытки покажутся детскими играми.

Поскольку я еще не совсем отошел от некоторого замешательства, то решил промолчать. Тем более что мне стало, мягко говоря, не до шуток. Зная тетю, можно и в правду решить сделать харакири (что бы это ни было)... Стоп, а что такое это «харакири»? Откуда я слово-то взял? Ах да, припоминаю что-то. Кажется я слышал что-то подобное в одном из своих снов...

Нет, мне сейчас не о снах надо думать. Что там с тетей-то случилось?

Я с некоторым усилием вышел из глубокой задумчивости и сфокусировал внимание на голосе Чеза.

— ...И что же она видит, когда подходит к своему любимому племянничку? Он целуется с той, от которой отворачиваются даже самые непредрассудительные люди. А когда она решает объяснить нахалке, что ее поведение как минимум недостойно, она получает в ответ заявление о том, что свадьбу вы назначили на третий месяц весны. Что вы на это скажете, будущий отец маленьких вампирчиков?

Будущий отец потерял пока еще толком не обретенный

дар речи.

Какая свадьба? Я что-то пропустил? Да тетю же удар хватит... если уже не хватил. А если не хватил, то, значит, хватит меня и не без ее помощи.

– Ээ... Чез, а она очень... злая? – чуть ли не заикаясь, спросил я.

– Злая? Ну, как тебе сказать... Я бы сказал в бешенстве, мечет молнии, готова порвать тебя голыми руками, пышет...

– Хватит! – скривился, я, почувствовав нечто, сродни зубной боли. – Я уже понял.

Чез улыбнулся, но уже сочувствующе.

– Ничего, могу тебя слегка успокоить. Разборки перенесутся на завтра, потому что сейчас все посторонние зал освобождают, и остаются только поступившие. Дерзай, авось тебя по пути к дому пришьют воры (это шутка, потому что последнего вора в городе повесили еще лет двести назад) и не придется объясняться с тетей.

Как ни странно, но легче мне от его слов не стало.

– Слушай, а ты и вправду жениться собрался? – неожиданно спросил Чез.

Если бы взгляды могли убивать, Чез уже лежал бы растерзанным на очень мелкие кусочки.

– Понял, понял. Ну, хоть пригласи на свадьбу-то.

Я дернулся, чтобы дать ему пинка, но он тут же отпрыгнул, а высовываться из-за фикуса я пока побоялся. Как я понял, еще не все лишние вышли. Для меня, конечно же, самой

лишней была на данный момент моя собственная тетя.

Я аккуратно выглянул из-за спасительного растения. Кое-кто остался сидеть за столами, но основная масса двигалась к выходу. Опасливо оглядываясь по сторонам, я чуть ли не на цыпочках двинулся к главному столу и, надо же такому случиться, столкнулся нос к носу с Лиз и Натали.

– Выход в той стороне, – заметила Лиз, показав пальцем мне за спину.

– Очень рад, что ты знаешь, куда идти, – натянуто улыбнулся я, опасливо оглядываясь по сторонам.

– Ну, так двигай к выходу, – уперлась в мою грудь ручкой навязчивая девушка. – Тебе здесь не место.

Натали неуверенно дернула Лиз за рукав.

– Мне кажется, Чез говорил, что Закери тоже поступил в Академию...

Лиз расхохоталась мне в лицо. Почему именно мне в лицо? Я-то при чем? Это Натали сказала...

– Да он свет-то не с первого раза зажигает. – Это она уже Натали.

Вот ведь... До сих пор все этот случай все вспоминают и к месту и не к месту. Между прочим, я тогда подвыпивши был... и на ногах едва стоял, куда уж свет-то зажигать...

– Но Чез говорил... – стояла на своем Натали.

– Чез тебе наговорит, – отмахнулась Лиз. – Он тебе такого наговорит, лишь бы в постель затащить.

Тут уж я не выдержал.

– Лиз, весь лишний народ уже вышел. Гуляй-ка и ты отсюда.

Лицо девушки стало пунцовым. Зло сверкнув глазами, она чуть ли не строевым шагом направилась к ближайшему Учителю Ремесленнику. Натали (вот хорошая девочка) виновато улыбнулась мне, и пошла к выходу, решив не ждать свою «подругу». Тем временем ее подруга делала все возможное, чтобы унизить меня. Вернее попытаться унизить.

Громко, так, чтобы ее слышали все окружающие, она начала на меня жаловаться:

– Простите, вон тот молодой человек не поступил в Академию, но категорически отказывается покидать зал.

Ремесленник, как мне показалось озадаченно, посмотрел на девушку, пытаясь понять, что собственно, она от него хочет. Лиз перешла от театральных эффектов к действиям, и зашептала что-то на ухо Ремесленнику. Тот пожал плечами, и повернулся в мою сторону.

В дородной фигуре, я к немалой радости узнал уже знакомого мне Ремесленника – Шинса, который сегодня на площади так переживал из-за вампирши.

Лиз взяла все еще ничего не понимающего Ремесленника под руку, и победным шагом устремилась ко мне.

– Вот этот молодой человек... – начала Лиз, подходя ко мне, и ткнув в меня пальцем.

На лице Ремесленника промелькнуло узнавание.

– Да, молодой человек, проходите на свое место. Вы задер-

живаєте остальных поступивших, впредь советую вам быть пошустрее. Если я не ошибаюсь, вы будете обучаться на моем факультете?

Я на всякий случай кивнул, хотя понятия не имел, какой именно факультет представляет этот Ремесленник.

– Давайте, давайте. Шевелитесь, – махнул рукой Ремесленник, и повернулся к Лиз. – Так что вы хотели сказать, девушка?

Девушка покрылась красными пятнами и просто беззвучно открывала и закрывала рот.

Мне так и хотелось показать Лиз язык, но я сдержался и степенно проследовал к столу, краем взгляда проследив за суетливым уходом противной девушки.

Не прошло и пары минут, как двери были закрыты и в зале остались только поступившие и Высшие Ремесленники. Ученики сидели в соседнем помещении, но и они иногда показывались из-за двери, ведущей в их зал.

Люди (и вампирша), не торопясь, рассаживались за главным столом. По моим догадкам, мест должно было быть около двухсот, плюс минус десять.

Я проследовал к месту за столом, которое мне заблаговременно занял Чез. К сожалению, по закону вселенской подлости, недалеко от нас оказались и дружки Лиз. Они, как и все присутствующие, стали невольными свидетелями сцены, устроенной Лиз. Взгляды, бросаемые на меня ее кавалером, не предвещали ничего хорошего, то же самое можно

было сказать и про взгляды кавалера (я надеюсь уже бывшего) Натали, достающиеся Чезу. Впрочем, ни Чеза, ни меня, эти взгляды ничуть не смущали.

Я нашел взглядом белую фигуру, сидящую по левую руку от меня через человек восемь, и наткнулся на насмешливый взгляд Алисы. Она мне подмигнула и нарочито медленно отвернулась. Как там говорили? Любая девушка – это тайна, и ее помыслы – загадка, причем чаще всего загадка и для нее самой. Ой, какая точная поговорка...

Едва я сел за стол, как сверху раздался уже знакомый по первому испытанию механический голос:

– Приветствую поступивших. Это ваш последний вечер свободы и надеюсь, что вы им насладились в полной мере.

Действие 6

Уй как насладились. Я еще никогда в жизни так не наслаждался. Как бы теперь из этого наслаждения выпутаться?

– Как вам уже известно, вы – поступившие. Это звание дается всего на один день, потому что уже к утру, вы станете адептами, или учениками, кому как удобнее называться. В чем разница? Все очень просто. Поступившие обладают всеми правами обычного гражданина Империи, а вот ученики не имеют никаких прав. Даже право на жизнь вам придется заслужить, не говоря уже о еде и прочем.

Голос затих, и в зале повисло молчание. Кто-то нервно хихикнул. Ремесленники, как ни в чем небывало, сидели за своим столом и с некоторым интересом наблюдали за тем, что твориться за столом поступивших. А за нашим столом, как ни странно, ничего особенного не творилось. Все молча сидели и ждали продолжения. Если кто-то хотел напугать нас своими словами, то у него явно ничего не получилось.

– Вы переедете в башню еще до восхода солнца, с восходом начнется ваше ученичество. Продлится оно всего один день по внешнему времени, и ровно три месяца по внутреннему времени Академии. Затем, после однодневного перерыва, во время которого вас отпустят в город, наступит вторая стадия обучения, для вас она продлится ровно один день, но в окружающем мире пройдет ровно три месяца. Это сде-

лано не просто так. Вы должны понять, что отныне выше простых людей, и с каждым днем вы будете возвышаться над ними все больше и больше. Но не забывайте, что чем больше знаний и силы, тем больше ответственности. Вы выше, но не лучше. Вы такие же люди, но в отличие от других Ремесленники должны человечеству гораздо больше. Отныне вы становитесь рабами: рабами знания и рабами правил, рабами силы и рабами совести. Вы становитесь рабами Ремесла!

В зале опять повисла тишина. Не знаю как остальным, а мне было все равно, чьим я там стану рабом. Единственное, что радовало, так это то, что домой мне вроде бы возвращаться не придется... целый день? Или целых три месяца? Уж и не знаю как правильнее.

– Далее, перед тем, как вы разойдетесь, чтобы познакомиться с Деканами своих факультетов, можете задавать вопросы. Предупреждаю сразу, на глупые вопросы не отвечаю.

Как я и подозревал, тут же поднялся шум, как на базарной площади. Что интересно, каждый задавал вопросы, и каждый получал ответы. При этом, другие могли слышать только вопросы, которые произносились в слух, ответы же явно предназначались только задавшим вопрос. Однако я это заметил далеко не сразу и еще некоторое время пытался вслушаться в сумятицу, царившую вокруг.

Наконец не выдержав, я все же задал мучивший меня вопрос:

– Мы домой-то будем возвращаться?

– Вы вернетесь домой только для того, чтобы забрать необходимые вещи, – был мне монотонный ответ.

Я невольно задумался. А что меня еще интересует? Ах да... слово такое странное...

– Что такое «харакири»?

– Вопрос неясен.

Мне показалось, или в механическом голосе появилось некоторое замешательство?

– Хорошо, – пробормотал я, – тогда расскажи о сенситивном шоке.

– В доступе отказано, – издевательски ответил механический голос и тут уже послышался знакомый мне голос Ромиуса. – Хватит задавать слишком умные вопросы, не смущай бедный «автомаг», он, между прочим, почти живой. Задавай вопросы, связанные с поступлением.

Я не стал указывать дяде на то, что вопрос о сенситивном шоке именно с поступлением и связан. Он же все-таки Высший Ремесленник.

– Простите, – ответил я то ли странному «автомагу», то ли дяде.

А о чем тогда спрашивать-то?

– Кстати, а почему перед нами не выступил Глава Академии? – неожиданно вспомнил я.

– Потому что у Академии нет главы, – охотно ответил «автомаг».

– Как нет? – опешил я.

– Вопрос не ясен.

– А почему нет? – поправился я.

– Потому что эта должность была упразднена триста лет назад.

И чего Чез решил в таком случае, что перед нами будет выступать Глава Академии? Если такой должности уже давным-давно нет... А! Наверное, у него устаревшие сведения, надо будет обязательно рассказать ему об этом.

Что удивительно, больше ни одного вопроса у меня не возникло. Я посидел еще несколько минут до тех пор, пока не начали иссякать вопросы остальных поступивших. Когда стих последний вопрос, механический голос произнес:

– После беседы с Деканом, вы можете проследовать в свои дома, для взятия необходимых вам вещей, ровно за час до рассвета все вы должны находиться во дворе Академии. Кто не придет вовремя – лишится своего места и не сможет участвовать в повторном принятии уже никогда. А сейчас прошу пройти к местам средоточения своих стихий.

Как я подозреваю, за всю историю Академии еще никто не опаздывал. Надеюсь, что я не стану первым? Но о чем это я думаю? Мне кажется, что Ромиус говорил что-то о стихии огня... кажется...

Люди начали вставать, и я тоже быстро вскочил со своего места, чтобы не возбуждать лишних подозрений. Я уже начал нервничать, когда увидел Ромиуса. Он кивнул мне на самый дальний от меня угол, и мне ничего не оставалось, кро-

ме как проследовать туда.

– Зак, – шепнул все еще толкающийся рядом со мной Чез. – Я в дальний угол, там, кажется, собираются знакомые мне лица из моей стихии. А ты куда приписан?

– Туда же, – без особого оптимизма ответил я.

– Так это же здорово!

– Пошли, – подтолкнул я друга, и мы начали проталкиваться к стоящему в дальнем углу Великому Ремесленнику.

Подойдя, я слегка удивился, потому что: во-первых, увидел там же Алису и, во-вторых, потому что нашим Деканом оказался тот самый толстячок, так удачно отббивший Лиз. Кстати, он же так активно протестовал против принятия вампириши... понятно почему, она же у него учиться будет... что, в общем-то, приятно.

Когда вокруг Ремесленника собралось некоторое число принятых – порядка пяти десятков – он начал свою речь:

– Итак, дорогие мои ученики, меня зовут...

– Шинс, – шепнул я Чезу имя, не далее как днем услышанное во дворе Академии.

– Шинссмус Стиввел, – продолжил Ремесленник. – А вас Закери Никерс, я попрошу не перебивать.

Я тут же замолчал, хотя, хоть убей, не мог понять, как он меня услышал, и как моя реплика, едва слышная даже мне самому, могла перебить его речь. И уж тем более я не помнил, чтобы был ему представлен.

Чез промолчал, но его красноречивый взгляд явно спра-

шивал «А ты откуда знаешь?».

– Я заведу факультетом стихии огня. Чтобы вам стало понятно, для вас на этот день, растянувшиеся на три месяца, я стану папой, мамой и старшим братом. Если что непонятно – идете ко мне, если что нужно – идете ко мне, если ничего не нужно и все понятно – все равно идете ко мне. Знакомиться с вами мне нужды нет. Всех вас я и так знаю лучше, чем вы сами. Сейчас мне совершенно не хочется тратить на вас свое драгоценное время, так что можете двигать домой, собрать вещи и поспать пару-тройку часов. Но чтобы за час до расвета все были на месте. Свободны, разойдись, – неожиданно по-солдатски закончил Шинссмус.

Почему-то вопросов ни у кого не возникло, и все молча двинулись к выходу. Я надеялся перехватить Алису, но она исчезла раньше, чем я успел сделать первый шаг к выходу. Чез подхватил меня под руку и оттащил от общей кучи.

– Ты бы домой не заходил, а то мало ли что, вдруг не дойдешь до Академии к утру.

Как ни странно у меня были те же мысли.

– Я бы с радостью, но там вся музыка. Ты представляешь хоть один день без музыки?

Чез отрицательно покачал головой, явно не представляя такого тихого и счастливого дня. Что поделать... не любит он музыку так, как люблю ее я.

– Вот и я нет, – проигнорировал я его сарказм. – Так что... искусство требует жертв.

Сказав это, я последовал к выходу, и Чез поплелся вслед за мной. Едва мы вышли из здания клуба, как он дернул меня за руку и толкнул в толпу.

— Ты чего? — только и успел кинуть я, прежде чем налетел на какого-то парня, благо довольно хилой наружности. Парень удивленно ойкнул и поспешил ретироваться подальше в толпу.

— Там твоя тетя стоит, — прошипел в ответ Чез. — Если успеешь, то добежишь до дома и соберешь вещи до того, как она придет. А потом можешь завалиться ко мне. Давай беги, только следи, чтобы она тебя не засекла.

Тут уж говорить что-либо было лишней потерей времени. Я кивнул, и что есть мочи побежал к дому по светящемуся в темноте тротуару, разгоняя безликие тени своим защитным амулетом. Если честно, то я давно уже перестал обращать внимание на безликих, совершенно забыв об их потенциальной опасности. А ведь не будь у меня защитного амулета, стража не нашла бы даже моего скелета.

Уже на пути к дому я вспомнил, что ключи, как обычно, забыл и окно на всякий случай, помня о сегодняшней госте, закрыл. Весь мой оптимизм моментально куда-то улетучился. Единственная надежда, что близняшки будут дома. Но вот золотые кварталы остались позади, и я подбежал к дому, в свете луны кажущемуся особенно мрачным. Странно, раньше я этого почему-то не замечал.

Дома близняшек, конечно же, не оказалось. Я обошел зо-

лотой особняк несколько раз, надеясь увидеть какое-нибудь случайно оставленное открытым окно, но все было напрасно. Мимо защитной системы не пройдешь (хотя по идее, она должна бы меня распознать), а то ведь можно и вовсе в головешку обожженную превратиться, случайно не туда наступив или просто застоявшись возле дома на подозрительно долгое время.

Я сел на лестницу и задумался. Что же мне тете сказать? Если она сейчас придет, то душевной беседы с ней мне не избежать. Опять будут долгие нравоучения, а то и что-то похуже.

Наверное, сказалась общая усталость и переживания сегодняшнего дня, потому что я сам нее заметил, как глаза мои закрылись...

* * *

Перед моими глазами еще стояла улица, освещенная одинокими окнами домов и подсвеченная свето-камнями мостовой, но сквозь нее стали проявляться какие-то инородные очертания. Прошла вечность, или же секунда, и вот уже не огромный особняк манит взгляд своим изяществом, а бесформленная махина однообразного серого цвета вздымается в высь. На безлюдных улицах появляются странные тени, не то призраки, не то просто загулявшие прохожие. Но нет, прохожие не просвечивают, а через этих можно увидеть

звездное небо с двумя лунами в небе. Или с одной? Очертания накладываются друг на друга и уже нельзя разобрать где сон, а где явь. Неожиданно надо мной пролетает, едва не задев перепончатыми крыльями голову, летучая мышь, и все призраки исчезают...

Улица опять стала обычной, и с нее исчезли непонятные призраки, дома снова вернули свой гордый золотой вид, да и с неба светят все те же две луны. Я встряхнул головой и громко чихнул, окончательно отогнав странные видения.

– А, вот ты где! – раздался звонкий голос тети. – Я так и думала, что ты сразу побежал собирать вещички.

В голосе послышались нотки обиды.

– Ну что ж, может так оно и лучше...

Из-за лиственной ограды вышла тетя в вечернем платье и почему-то с бутылкой шампанского.

– Если ты так хочешь, то пусть так оно и будет.

Я не видел ее лица, потому что его скрывала тень, но мне показалось, что на нем сейчас застыло выражение полной безысходности. Во всяком случае, именно безысходность слышалась в ее голосе.

– Значит, ты не будешь меня ругать? – на всякий случай робко спросил я.

– Надо бы, но не буду. Ты уже взрослый человек, и сам выбираешь свой путь. Жаль только, что на твоём пути не будет Императорского трона, – дородная тетя невесело усмехнулась. – Так что, пойдем соберем твои вещи, будущий Ре-

месленник.

Сказав это, она спокойно поднялась по лестнице, на которой я до сих пор сидел, и открыла дверь. Вернее дверь открылась сама, едва заклинание двери почувствовало в непосредственной близости энергетический ключ. Ключ, кстати, был весьма странной формы. Почему-то издревле считается, что их нужно изготавливать в виде странной формы палочек. Зачем им придают непонятную и совершенно глупую форму, никто не знает, во всяком случае, мне никто так и не смог толком это объяснить, ведь никакой магии формы тут не используется.

Я еще посидел немного, тупо глядя перед собой, и пытаюсь понять, с чего это тетя стала такой доброй. Если вспомнить, сколько на меня посыпалось нравоучений, когда я отказался от занятий в школе танцев при Императорском дворе, то нынешнее ее поведение можно считать просто ангельским. Это просто подозрительно, если не сказать больше.

Судорожно вздохнув, я поднялся с нижней ступеньки и пошел собирать вещи. А что еще оставалось?

* * *

– Ты где был? – спросил безликий голос.

Какой-то толстый мужик ответил со смесью удивления и радости:

– Пиво пил.

Проснулся я от дикой головной боли и звона в ушах. Я с трудом открыл веки и в голове раздался такой скрежет, что я невольно закрыл их обратно, поняв свою ошибку. Так у меня голова не болела с тех пор, как я первый раз напился. Ну, тогда правда мою боль быстро вылечила бутылка хорошего вина. Вот бы и сейчас немного этого вина, чтобы облегчить мои страдания. И надо же мне было столько вчера выпить...

Минуточку, не вчера, а сегодня, и ничего я не пил кроме шампанского! Тетя отправила меня собирать вещи, а сама пошла готовить прощальный ужин. От ужина я, естественно, отказался, наевшись еще в «Золотом полумесяце», а вот шампанского немного выпил. За шампанским тетя все сетовала, что будет скучать по мне. Просила прощения за то, что не смогла уберечь от дурного влияния. Я начал было спорить, а потом... а что было потом?

Мысли в голове текли вяло, цеплялись друг за друга и сбились. Я боялся двигаться, потому что малейшее движение даже мизинца отдавалось жуткой головной болью. Однако ж, потихоньку я приходил в себя.

Интересно, а сколько времени я проспал? Мне уже наверняка пора выходить, иначе я опоздаю на утренние сборы.

Одна только мысль об опоздании заставила меня поежиться. Не хотелось бы быть первым идиотом, не пришедшим

на сборы, уже после посвящения. Правда очень уж хочется спать. А встать можно и попозже, в конце концов, это же не конец света, если я еще немного посплю...

Неожиданно проорал диким голосом будильник. Если быть точным, то не будильник, а «музыкала», настроенная на определенное положение светил. Пришлось все же открыть глаза и, не взирая на адскую боль в висках, посмотреть на часы.

Тень меня заberi! Уже почти семь часов!

Если мне и досаждала головная боль, то едва я посмотрел на часы, меня сбил с ног леденящий ужас. Вернее сбил бы, если бы я стоял, а не лежал. Не помня себя, я вскочил, подхватил сумку и кубарем скатился по лестнице. Только по пути вниз я вспомнил, что еще секунду назад умирал от дикой головной боли. Но теперь уже было не до нее, и боль поспешно ретировалась до лучших (вернее худших) времен. Внизу никого не было, да и если бы и были, я все равно никого б не заметил. Выскочив на улицу, я побежал со всех ног к Академии. Ноги проскальзывали на, еще мокро от утренней чистки, тротуаре. Я едва не навернулся пару раз, но потом приноровился к слегка кривоватому бегу и побежал еще быстрее. На улицах пока что никого не было, только на крышах одинокие фигуры вручную открывали свои «ромашки», для улавливания магов. Автоматические ромашки давно уже должны быть открыты, а эти все никак не откроют...

Пока я бежал, в голове металась всего одна жуткая мысль.

Я не успеваю! От Академии до моего дома сорок минут ходу. Если бегом, то двадцать. Если моим бегом то десять. А нужно успеть за пять!

Я невольно зажмурился от ужаса и, надо же такому случиться, влетел в лужу по колено и громко плюхнулся на мостовую. По привычке тут же вскочил и, даже не успев толком покраснеть от стыда и посетовать на несправедливость жизни, побежал дальше. Благо, я человек тренированный и боль в разбитом, по ощущениям, колене мне не помеха. Хотя это весьма и весьма неприятно...

Пролетев на полной скорости по Площади Семи Фонтанов, я выскочил на финишную прямую. Передо мной высилась Академия с открытыми воротами и почему-то безлюдным пространством во внутреннем дворе. По идее там уже должны были собраться все поступившие. А никого почему-то не наблюдается.

Я влетел в ворота как метеор и, пробежав по инерции еще с десяток шагов, остановился.

Пустота. Пустота и тишина, вот что меня встретило во дворе Академии. Опоздал. Точно опоздал.

Я подошел к башне Академии, и устало сел на мостовую, прислонившись спиной к каменной стене, и положив рядом сумку с вещами.

Опоздал. Умудрился проспять. Но как? Я же ведь не очень хотел спать, когда вернулся домой! Я даже не устал толком! Неужели?... Да нет, не может быть. Не могла же тетя мне что-

то подсыпать в шампанское. Или могла? Она конечно не подарок, но чтобы пойти на такую подлость... Ведь она же моя тетя! Как она могла?

– Что-то ты рано.

От неожиданности я подскочил в воздух на метр с лишним.

– Ты чего, ночевал здесь что ли? – опять донесся веселый голос.

Я удивленно окинул взглядом площадь – никого. Тогда откуда же голос?

– Наверх посмотри, балда, – со смешком посоветовал голос.

Я послушно поднял взгляд наверх и действительно увидел в окне третьего этажа веснушчатую физиономию парня на год или два моложе меня. Хотя с уверенностью сказать нельзя. Может ему и лет девяносто.

– Рано для чего? – тупо спросил я.

– Для всего, – лаконично ответил парень.

Тут я потерял нить рассуждений и задумался. Вернее просто посидел с пяток минут пялясь на мостовую.

– Так ведь поздно же, – наконец произнес я.

– Для чего? – удивился рыжий.

– Для всего, – поражаясь своей изобретательности, ответил я.

– Ааа... – протянул парень и, повертев пальцем у виска, скрылся в окне.

Я остался сидеть на мостовой, глядя, как камни впитывают влагу, и как исчезают лужи. Через некоторое время слышались веселые голоса, и в ворота ввалилась веселая толпа. Они, совершенно не обращая на меня внимания, прошествовали в середину двора и там остановились. С ужасом я узнал в толпе и мою, вернее уже не мою, несравненную Лиз, видимо, пришедшую проводить, своего нового ухажера с его друзьями. Я всем сердцем пожелал впитаться вместе с влагой в камни, но, даже если бы у меня и получилось это нехитрое действие, меня бы это не спасло. Меня уже заметили, и теперь смогли бы достать даже оттуда.

Все повернулись в мою сторону. Звонкий девичий голос произнес что-то явно гадкое, и все дружно засмеялись. Помимо воли я начал краснеть. Я только сейчас заметил, что прибежал в том же золотом костюме, в котором был вчера. Это хороший костюм, надо отдать должное вкусу моей тети, но после того, как я в нем поспал, да еще и в лужу упал... Самый нищий житель города постыдился бы даже дома в таком ходить, не говоря уже о том, чтобы выйти на улицу.

Я демонстративно отвернулся и постарался не краснеть больше, чем уже покраснел, если такое вообще возможно. Тем временем, параллельно с появлением все новых и новых людей, я начал понимать, что что-то явно не так. Мне казалось, что я опоздал, но тогда опоздали и все поступившие.

Солнце, вроде бы, уже взошло. Даже если я ошибся со временем, то уж светило-то ошибиться не могло – восход насту-

пил. Так в чем же дело?

Уж не знаю, что тут происходит, но с мостовой, пожалуй, я все же поднимусь – решил я. Осторожно поднявшись и облокотившись на стену, я с непроницаемым (как я надеюсь) выражением лица начал смотреть по сторонам. Люди в ворота прямо-таки повалили со страшной силой. А уж когда из-за поворота появился Чез, я полностью уверился, что что-то не в порядке исключительно со мной.

Явно не выспавшийся Чез помахал мне рукой и двинулся в мою сторону.

Таким заспанным я его не видел за все время нашей дружбы, что, в общем-то, составляло всю мою сознательную жизнь.

– Что-то друг мой ты не очень весел, – попытался пошутить Чез, устало присаживаясь прямо на мостовую, точно на то же место, где минуту назад сидел я.

– Весел?! – слегка нервно переспросил я. – Да тут мир с ума сошел прямо на моих глазах, а ты говоришь весел... Ты вот, я смотрю, тоже что-то не в форме. Говоря по правде, я тебя таким еще не видел. Ты не слышал о таком средстве – «као» называется. Выпил, и сразу на человека похож становишься.

После последнего слова я едва не закашлялся, потому что в горле у меня пересохло.

– Он еще издевается, – простонал страдалец, – ты забыл, что «као» – настойка, на изготовление порции которой тре-

буется «магов» больше, чем ты со своими модными музыкальными инструментами используешь за неделю.

– Ну, уж так уж и за неделю... – протянул я, в уме подсчитывая «маги».

– Именно, именно... Вообще-то я этот напиток пью каждое утро, но... не претворяйся идиотом.

– Не понял?! – у меня даже голос сразу прорезался.

– Ремесленники с первого и до последнего дня обучения не могут потреблять никакие алкогольные и взбадривающие напитки.

Я молча кивнул головой, вспоминая, сколько выпил на банкете.

Как ни странно, алкогольных напитков я действительно не наблюдал, и уж тем более не пил. Вот только почему тогда я себя так странно чувствую... очень уж на похмелье похоже, ах да, еще было шампанское дома... но я же не знал! Мне никто не говорил ничего ни о каких запретах.

– Ага... Значит можно сказать, ты первый раз в жизни по настоящему не выспался? – полуутвердительно сказал я.

Чез устало отмахнулся и прикрыл красные от недосыпа глаза.

Я решил, что есть еще один важный вопрос, ради которого стоит потерзать друга.

– А скажи-ка мне, сколько сейчас времени? – как бы невзначай спросил я.

– А... – Чез заморгал. – Прости, я, кажется, задремал. Ты

что-то говорил?

– Время сколько?! – не выдержал я.

– Чего так орать-то? – Чез заворочался и поднялся на ноги. – Сам что ли не видишь? Рассветает. Солнце уже окрасило улицы нашего Великого города золотым светом... И чегой-то я такой поэтичный спросоня?

Тут я немного задумался... минут на десять. Да и как тут не задуматься. Стою я во дворе Академии во время восхода, и вижу солнце... уже давно светящее над крышами города. Вот только «ромашки» почему-то еще только раскрываются. Странно, мне казалось, что автоматика дворцовой «ромашки» совершенна и она раскрывается с первыми лучами солнца. А она только что раскрылась. Солнце-то уже минут двадцать как взошло. Правда, почему-то оно взошло только для меня. У остальных оно еще только всходит.

Я не торопясь поделился своими опасениями с еще не до конца проснувшимся другом. Ведь только от него я мог ждать понимания и помощи в решении ситуации...

– Ты дурак?! К мозгоправу сходи, там тебе мигом солнце на место поставят. А заодно попроси еще извилин добавить, может, поможет.

– Я серьезно!

– Да ладно, – Чез подозрительно осмотрел меня с ног до головы. – Хмм. Похоже, в луже ты действительно повалился.

– Что мне лужа. Как мне от глюков-то избавиться? – обиженно спросил я.

Чез почесал голову, что выдавало глубокие мыслительные процессы, происходящие в его лохматой голове.

– Тут одно из двух: либо ты сильно ударился головой и требуется еще один хороший удар, чтобы все из нее вы... Эй! Но-но!

Чез резво отскочил, посмотрев на угрожающее выражение моего лица.

– Либо на тебя оказано магическое воздействие. Говоря научным языком – гипноз, – закончил он.

– Ага, – многозначительно ответил я.

Мы некоторое время смотрели друг на друга.

– Напомни, а то я что-то забыл, что такое гипноз? – наконец поинтересовался я.

– Гипноз – это воздействие на мозг человека с целью искажения его восприятия окружающего мира. Чаще всего воздействие сводится к принятию всевозможных препаратов или непосредственному влиянию одного мыслительного поля на другое.

– ...

– Чего-то не понял? – самодовольно осведомился Чез.

– Теперь помедленней и желательно по слогам, – попросил я. – Хотя я отнюдь не уверен, что такое произношение хоть как-нибудь поможет пониманию той белиберды, которую ты наговорил. Ты же только что спал на ходу. Откуда такое занудство?

– Не нравится ответ, нечего было вообще спрашивать, –

обиделся Чез.

– Ладно, сойдемся на вопросе о том, чем может быть вызвано такое глючное состояние.

Чез почесал затылок.

– Скорее всего, тебе что-то куда-то зачем-то подмешали.

– Вот, теперь ты говоришь, как нормальный человек! – искренне обрадовался я.

Тем временем солнце (по словам Чеза) уже окончательно вышло из-за горизонта. Все провожающие были выпровожены со двора, и ворота, ведущие во двор Академии, медленно закрылись за последним вошедшим учеником.

– Адепты! – пророкотал механический голос. – Я бы даже сказал студенты, – послышался непонятный смешок, – сейчас вы проследуете на свои этажи, где вас поселят в ваши комнаты и ознакомят с расписанием занятий. Каждый факультет имеет в своем распоряжении свои классы и размещается на разных этажах во избежание недоразумений в дальнейшем обучении.

Признаюсь, какие могут возникнуть недоразумения между факультетами, я не знал, но почему-то понял, что деление на факультеты по стихиям очень важно. И селят нас отдельно явно не спроста.

– А сейчас, прошу вас проследовать в стены Академии, где вас ожидают провожатые, – раздался еще один непонятный механический смешок. – Как говорится, оставь надежду всяк сюда входящий.

Действие 7

В комнату с телепортами мы попали, пройдя уже знакомым мне путем по однотипным коридорам со странным освещением. Всю толпу – это около двухсот человек – разделили на несколько неторопливо движущихся потоков. Каждый из потоков заканчивался одним телепортом.

– Слушай, чего этот голос про одежду говорил, а? – тихо поинтересовался я у Чеза.

Его лицо тут же расплылось в ехидной улыбке.

– Это у тебя глюки твои, наверное, продолжаются.

На него тут же шикнул один из Ремесленников.

– Молодой человек, прекратите болтовню.

Чез послушно замолчал, но на долгое время его все равно не хватило.

– Я так понимаю, что жить мы будем на одном этаже, – шепнул он мне. – Так что надо бы попробовать поселиться поближе друг к другу.

Должен заметить, что восторженный огонь в его глазах горел всю дорогу до телепортов, и выражение лица Чеза от этого становилось каким-то по-детски глупым. Признаюсь, таким я своего старшего друга еще не видел никогда.

– Надо бы, – согласился я и, неожиданно вспомнив слова Ника, спросил. – Кстати, а что такое атомы?

– Атомы? – переспросил Чез. – Э... ну, это такие малень-

кие фигушки, из которых состоят другие фигушки, из которых состоим мы.

От такого исчерпывающего объяснения я на время потерял дар речи.

– Ну... видимо, это что-то очень маленькое, – наконец решил я для себя этот вопрос.

– Ты даже не сможешь представить себе насколько маленькое, – поддакнул Чез, глядя уже совершенно в другую сторону. – Смотри, дружки Лиз прошли через другой телепорт, значит, мы их больше не увидим.

– Как не увидим? – удивился я.

– Ну, как же, – Чез озадаченно почесал макушку. – Ведь разные стихии обучаются у разных учителей, живут на разных этажах. Где же мы их встретим?

– Знаешь, – теперь уже я почесал затылок. – Мне почему-то кажется, что жизнь в Академии не ограничивается одними занятиями и бездумным сидением в своих покоях.

Чез выругался.

– Да, я действительно что-то раз мечтался. О жизни в стенах Академии я толком ничего и не знаю. Но будем надеяться, что по поводу рабства и прочего этот странный голос все же шутил.

– Мда, не хотелось бы мне провести три месяца в рабстве. И так придется торчать в четырех стенах. Желательно чтобы в этом было хотя бы что-то положительное, а? – я неожиданно понял, что Чез меня уже не слушает. – Ау!

Я постучал друга по плечу, но и тогда он не обратил на меня никакого внимания.

– Ты где? – уже не особо надеясь на ответ спросил я.

Как ни странно, Чез наконец среагировал.

– Ты только посмотри на это. Никогда не видел работы настоящего телепорта, – пробормотал он, все так же заморожено глядя на исчезающих в телепортах людей.

Я бросил взгляд на телепорты: ну исчезают люди, становясь на эти круги, ну да, красиво, конечно, исчезают. Не сразу, а сверху вниз. Как будто от макушки до пят проводят все-ленским ластиком, и человек стирается, подобно ненужной каракуле.

– Интересно, а каков принцип их действия? – продолжал разговаривать то ли со мной, то ли с сами собой Чез. – Многие считают, что это как-то связано с копированием, или даже с раскладыванием на атомы.

– Бред все это, – по инерции ответил я. – Мне говорили, что все это слухи, не имеющие никакого отношения к правде.

Вот тут Чез сразу обратил на меня внимание.

– Кто это тебе говорил?

– Ээ... – я судорожно начал придумывать возможные варианты ответов и, не найдя ничего лучше, сказал правду. – Ну, один знакомый ученик старших курсов Академии.

– И когда ты успел обзавестись такими знакомыми, – пробурчал Чез. – А главное, почему ты меня с ними не позна-

комил?

Я честно собрался пообещать Чезу, что познакомлю его со всеми учениками старших курсов, которых когда-либо вообще видел, но очень кстати подошла наша очередь вставать на блин-телепорт.

– Я с тобой еще поговорю, – пообещал Чез и ступил на телепорт.

Едва мой друг исчез, мимо меня проскользнула гибкая фигура.

– Извините молодой человек, можно я пройду перед вами, – кинула мне девушка, кокетливо сверкнув двумя клыками, и шагнула в телепорт.

Я еще некоторое время удивленно хлопал глазами, пытаюсь понять, зачем Алисе понадобилось лезть вперед меня, если мы с Чезом и так стояли в самом конце очереди. Собственно, еще недавно за нами вообще никого не было. Я же стоял последним!

Я озадаченно обернулся, и столкнулся нос к носу с Ремесленником, проводившем нас в зал с телепортами.

– Вы тут девушку в черном балахоне не видели?

– Девушку? – переспросил я, совершенно точно зная, кого он имеет ввиду, но не имея ни малейшего понятия, зачем ему сдалась Алиса. – Нет вроде бы, я последним стою в очереди, а передо мной мой друг был. Спросите у людей, стоящих у других телепортов, – я махнул рукой в сторону трех других телепортов, у которых все еще толпилось некоторое

количество народу.

Ремесленник кивнул и отправился к соседнему телепорту, кинув на меня прощальный взгляд, совершенно точно запомнив мое лицо. Чувствую, мне еще придется ответить за свои слова.

Я быстро шагнул в телепорт, надеясь отсечь все проблемы переходом.

– Вот ты где! – тут же накинулся на меня Чез, едва я сделал шаг, сходя с телепорта. – А я уж думал, что ты передумал и пошел домой.

– Знаешь, я собирался, – признался я. – Но ко мне подбежал Ремесленник и уговорил остаться. Он сказал, что кроме меня больше некому будет следить за тобой. А если за тобой не следить, то вся Академия вскоре пойдет по миру и развалится.

Чез сверкнул белозубой улыбкой.

– Ты разгадал мои планы. Теперь мне придется тебя убить, а труп скормить друзьям Лиз.

– Это еще зачем? – не понял я.

– Как зачем? Они мне чем-то шакалов напоминают. Санитары леса, блин.

– А... – я согласно кивнул, наконец, обратив внимание на то, что в коридоре мы стоим в гордом одиночестве. – А где остальные?

– Их развели по комнатам, – пожал плечами Чез.

– Ага... А мы как же? В коридоре что ли жить будем?

– А что, это мысль, – хихикнул Чез. – Но вообще-то я уже узнал куда нам идти, а ты все не появлялся... в общем, я решил тебя подождать, а меня никто ждать не стал.

– Да уж, – мне почему-то стало немного грустно. – Таинственная Академия по своим порядкам больше напоминает обычную гостиницу.

– Подожди еще, нас же рабами недавно называли. Вот будут нас телепортировать на плантации какой-нибудь цветной капусты, будешь знать. Радуйся, что это именно гостиница, а не бараки, как в той же выездной Школе Искусства.

Меня невольно передернуло. Да уж, помню, жили мы в этом бараке несколько месяцев, до сих пор чешусь при одном воспоминании. Там даже ванной не было, один душ, и тот общий. А уж кормили как... лучше и не вспоминать. Жить в одном помещении с пятью людьми – это просто кошмар.

– Неженка, – заметил мою реакцию Чез. – Одно слово – голубая кровь. Хватит предаваться воспоминаниям, лучше пойдем номера посмотрим.

Идея мне понравилась, и мы отправились в дальний конец коридора, в котором, как сообщил мне Чез, находятся наши «номера». Номера у наших «номеров» были 5113 и 5115. Первые две цифры означали этаж, а вторые – номер номера (как бы это глупо не звучало).

Чез сразу заявил, что номер 5115 его, а я могу забирать себе «счастливую» дюжину. Я пожал плечами на такую несправедливость, но, признаюсь, сейчас меня занимало вовсе не

это. Я пытался физически представить, что сейчас нахожусь на 51 этаже. Это какой же вид из окна у меня будет? Наверное, я смогу увидеть не то что все замки вампиров, но и все острова в Радужном море. А ведь в Академии 88 этажей. С последнего этажа я, пожалуй, увижу и Шатер со всеми его шатрами и гнездами горных виверн.

Ни о каких ключах не шло и речи. Просто, едва я подошел к двери своего номера, как она открылась. Осталось гадать, каким образом распорядители догадались, какой именно номер достанется мне. Несмотря на кажущуюся безмятежность и спокойствие окружающей нас атмосферы, я почему-то сомневаюсь, что двери номеров открываются перед каждым встречным.

Собственно, комната не представляла собой ничего особенного. И ничего удивительного в этом нет. Самая обычная комнатуха средних размеров, хотя если бы ее увидела моя тетя, она наверняка бы сказала, что эти апартаменты не достойны даже моего присутствия, не говоря уже о постоянном проживании. Кстати о тете, и как ей хватило, вернее наоборот не хватило совести, на то, чтобы опоить меня? Вот вернусь, первым делом очень серьезно с ней поговорю. А то, что это за дела, опаивать своего любимого племянника? Мне еще и влететь из-за нее может... правда не знаю от кого...

Я подошел к окну, занимающему пол стены, и остановился в немом изумлении. Я предполагал, что пятьдесят первый этаж – это вам не десятый, выше которого я никогда не под-

нимался, но чтобы такое... Перед моим взором раскинулся весь город с высоты даже не птичьего полета... облака висели внизу, где-то на уровне этажа сорокового.

Я невольно сделал судорожный шаг назад.

Если упасть с такой высоты, то пока будешь падать перед глазами не то что вся жизнь успеет пробежать... тут и состариться успеешь. А когда, наконец, все же упадешь, даже и места мокрого не останется.

Я сделал еще несколько шагов, отойдя подальше от окна. Никакого благоговения во мне не было, был только обычный животный страх существа, рожденного ползать перед по-настоящему огромной высотой.

Я окинул небольшую комнату, в которой мне предстояло провести еще как минимум три месяца, более осмысленным взглядом. Интересно, а где здесь туалет?

В дверь нетерпеливо постучали.

– Кто там? – автоматически спросил я.

– Ровно через час начинается вводная лекция курса в аудитории 3333, – раздалось из-за двери.

Я поспешил открыть дверь, чтобы узнать поподробнее наше дальнейшее расписание, но когда выглянул в коридор, то увидел лишь выглядывающего из соседнего номера Чеза.

– Убежал, – не то вопросительно, не то утвердительно сказал Чез. – Слышал? Только поселились, и уже гонят на плантации.

– На какие плантации? – не понял я.

– Ну, как же, – Чез скорчил умное лицо. – Будем грести лопатой знания, выкорчевывая сорняки ошибочных представлений и мировоззрений.

Я напряг мозг, переваривая очередную сентенцию своего друга. Что тут сказать, любит он говорить витиеватым языком, хотя в большинстве своем, все его выражения сводятся к довольно простым и дельным мыслям. Жаль только, что он не умеет эти мысли сразу воспроизводить в адаптированной версии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.